

ПЛЫЛ ПО МОРЮ ХАРИУС,
У НЕГО НА ХАРЕУС!

ВЛАДИМИР ХОЛОДОК

ВЛАДИМИР ХОЛОДОК

ПЛЫЛ ПО МОРЮ ХАРИУС...

ЧАСТЬ I

...У НЕГО НА ХАРЕ УС

**Издательство «Зеркало»
Екатеринбург
1997 г.**

Х А Р И У С

**Плыл по морю хариус,
у него на харе ус.
А глаза у хариуса,
Как у архивариуса.**

**В юности был хариус
Честный, как нотариус.
Он стихи наяривал
И архив затаривал.**

**Долго плавал или нет -
Перебрался в интернет.
Что наматывал на ус –
Всё расскажет хариус.**

ИРОНИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ШУТКИ, МОИ ШУТКИ

Я доволен собственной квартирой,
правда, много странностей у нас:
что ни мебель — то одна сатира,
что ни юмор — то один палас.

Доски половые в коридоре
разошлись, как в ссоре меж собой.
А в щелях лежат, как на просторе,
шутки и слова на вкус любой.

Да, не сор, а шутки, как ни странно.
Здесь живет не плотник, не юрист.
Здесь развёл свой юмор окаянный
неофициальный юморист.

Вот жена, она уже привыкла,
только глянет глазом на палас —
видит там не семечки от тыквы,
видит пару шуток или фраз.

Или в холодильнике, к примеру,
ищет не пельмени — афоризм.
Сварит, поперчит и соли в меру.
Съешь его — как принял пару клизм.

В морозилке — восемь анекдотов,
мало ли - храню на чёрный день,
вкусные, как восемь антрекотов,
свежие, как от коровы тень.

На полу, а также на диване
шутки просто так у нас лежат.
Три вчера опять помылись в ванне,
брызгались, как трое медвежат.

Я люблю их и люблюсь ими,
вон у телевизора сидят.
Самым шустрым я придумал имя
и вооружил их, как солдат.

**А вооружённые остроты,
если прокричат они со сцен,
будут поопасней целой роты
на период взвинчиванья цен.**

**Толстеный, пушистый, как котёнок,
отдыхает, свернутый в клубок,—
это наш семейный юморёнок,
мой однофамилец Холобок.**

**Служит он, как верная собака,
наш уклад семейный бережёт,
ссоры пресекает, забияка,
рюмку дашь — так песенку споёт.**

**Раз жена запнулась за остроту,
шлёп ее в сердцах по голове.
Сжалилась потом и на работу
в школу забрала её к себе.**

**В школе эта шутка прижилась,
полюбилась всем учителям,
и теперь почти что в каждом классе
от нее шутят — там и сям.**

**А жене приятно, что шутницей
числится теперь она крутой.
И смеются даже ученицы,
глядя на детей остроты той.**

**Мне не жалко, пусть везде разносит,
шутка лишь на воле молода.
А в неволе опускает носик
и устаревает иногда.**

**Как-то я ревизию устроил:
афоризмы, шутки и слова
подходили в ногу дружным строем,
я их всех считал по головам.**

Вот подходит шутка-инвалидка
с костыльком и руки крендельком —
то на дне рождения у Лидки
пошутил я как-то под хмельком.

А другая, вся в татуировке,
песню нецензурную поет,
нос краснее вымытой морковки —
я изрёк с похмелья ее.

Маются, бедняжки, тянут ляжку,
стыдно посмотреть мне им в глаза.
Что сказал, то не зароешь в ямку.
Надо думать, прежде чем сказать.

Фраза лишь сидела одиноко,
с шуткой не общалась ни с одной.
Грустные глазища с поволокой,
волосы с красивой сединой.

— Кто такая? Сколько лет пробило?
Фраза улыбнулась мне слегка:
— «Я люблю» - мое названье было,
а живу я многие века.

Я её проставил по реестру,
инвентаризации — отбой.
Недостачи нет, а значит — к месту,
если всё отметим мы гульбой.

Эх, плясали шутки, мои шутки,
даже фраза эта разошлась.
Мы бы веселились, может, сутки,
да супруга в комнату к нам — шасть!

И с порога:
— Это что за фраза?
Для меня она как будто вновь —
стройная, красивая, зараза.
Неужели фраза про любовь?

**Я ей показал по протоколу:
«Я люблю» — так числится она.
— Вот отлично! Заберу-ка в школу,
посажу в горшочек у окна.**

**— Ну уж нет! Пусть проживает дома.
В люди ей с тобой не по пути.
В жизни есть простая аксиома
или, может, даже идиома:
эта фраза может только дома
сильно размножаться и цвести.**

ЮГ — ГОРЯЧИЙ, КАК УТЮГ

Теперь хоть пой тут, хоть горлань,
но предстоит мне заново
перебираться на Кубань,
в жару пустынь банановых.

Жена тащИт меня на юг:
— Там мама на Кубани-то!
— Там юг — горячий, как утюг,
и бабам не до бани там.

Там веет ветер-суховей,
пески пуржат метелями,
там задохнулся воробей,
хоть был и не с похмелья он.

Там даже ночью вся земля
паяльной дышит лампою,
и липнет к носу простыня,
как будто черти лапают.

А днем — потничка, пупыри,
не буду даже выше гнуть.
Сотрёшь все тело, хоть ори,
и шаг шагнуть — не вышагнуть.

А счастье — ты поленом лёг,
берёсту-кожу солнцем бьет.
Сгорел, потух, как уголёк,
остался лишь один хребёт.

Ползёт, бывает, раз иной,
тарантул ли, фурункул ли,
тут схоронишься за женой,
кричишь: — Ату его! Коли!

И ведь возьмёт и уколёт,
истопчет до убитости.
Как птицу видно по полёт,
так жён — по ядовитости.

**А знаменитый Краснодар?
Базарная провинция!
Дельцам там нужен Мойдодыр,
отмыть — и всех в милицию.**

**Однако я люблю Тамань,
там радостно и боязно,
там даже чайки сквозь туман
кричат, как из-под поезда.**

**И есть Азовский водоем,
так море называется,
неплохо там, когда вдвоём
вам с кем-нибудь купается.**

**Чем привлекателен Сенной?
Что сена нет ни грамма там —
сгорает всё уже весной,
а почтальон — неграмотный.**

**Там в Керчь за харчем ездят все,
в Темрюк за пивом тянутся,
а пиво, как моча в росе,
нисколько мне не глянется.**

**И вот в такую тундру я
опять поехать вынужден,
я на крючке жены, друзья,
как ёрш из лунки выужен.**

**Перенесу, переживу
я все лишения, тяготы,
вернусь — увижу наяву
смородинные ягоды.**

**Я за супругой хоть на дно,
меня взять удалось ей.
Не говорите ей одно —
Я еду с удовольствием.**

ПУД СТАСА

Плач-романс

Ну, зачем же ты, Стас, похудел?
Всю еду позабыл-позабросил.
Девять дней ты не пил и не ел —
от себя оторвал пуд и сбросил.

Этот пуд мы любили в тебе,
любовались на суше и в бане.
Ты нас счастья лишил — похудел,
ты в глаза нас и в сердце поранил.

Этот маленький Стасиков пуд
над другими витает, как примус,
а над Стасом витает капут,
худоба, облысенье и климакс.

Стас казак был, теперь он казах,
пуд украл всё святое из Стаса.
Где ты, хитрая мудрость в глазах,
где красивая линия таза?

Где упругие плечи и грудь?
Не найти даже с трёх их попыток.
Стас примерно такой как-нибудь
по Дахау гулял после пыток.

Лишь живот сохранил свой овал,
слава богу не шёл на убыток.
Как иначе бы я узнавал,
где есть Стас, а где Юра Копытов.

Пуд всю смелость украл и живёт,
всю активность украл этот пудик,
ходит, топчет сырое жнивье
и по Риге гуляет, как пудель.

Вон он в Риге, причём, не один,
с ним от женщины пуд, вот так чудо!
От какой — разберися пойдя.
Просто ходят по Риге два пуда.

**Пуд от Стаса без Стаса, как плут,
черношариком, живчиком вьётся,
у него ничего не сопрут,
сам сопрёт, если кто отвернётся.**

**А вот Стас без него, без пуда,
всё молчит, как четыреста рыбин,
раньше парнем он был хоть куда,
а теперь хоть откуда пришиблен.**

**Да и пуду не сладко, ведь пуд
в одиноком томится разгуле.
Гнётся Стас от бессилья, как прут,
и его хулиганы разули.**

**И тогда Стас сказал: «Милый пуд,
возвращайся ко мне в мозг и в руки
и взбодри, как Верхнейвинский пруд,
где купаются стайкой старухи».**

**Плюнул Стас на тревожную жизнь,
пуд вернул по уму и по весу
и чужой прихватил он, кажись,
стал, как прежде, тяжелым повесой.**

ДЕВОЧКИ – МОДЕЛИ

– Нету цвета лучше –
белый с голубым,-
так сказал ей Гуччи
голосом седым.
Может, этот случай –
лучший из чудес –
позвонил сам Гуччи,
прямо, как с небес.

Припев:

Гуччи, ты такой могучий,
Разгони мне тучи,
Тучи среди дня.
Гуччи, я не знаю круче,
Ты меня не мучай,
Забери меня.

У неё наследство –
это нету средств,
и в Сибири детство –
лучшее из детств.
А подружек сколько
Бьются в эту дверь.
В Дом модельный только
Пригласи, поверь!

Припев.

Метод проб – ошибок,
а другого нет.
Мотыльки – модели
бьются в этот свет.
Ну а как иначе?
нужен только взлёт!
Бабочка - удача,
может, повезёт.

Припев.

МЕЧТАЕТ ЖЕНЩИНА

Мечтает женщина про то,
что будет что-то:
подходит в шляпе и пальто
Кутуньо Тото.

Не просто кто-то –
Кутуньо Тото.

А вот под ручку на концерт,
гала который,
её ведёт почти что сэр –
Филипп Киркоров.

Не тот, который...
а сам Киркоров.

Ей снова будто двадцать пять,
и там под ивой
она целуется опять
с Монтаном Ивом.

Да так игриво,
с Монтаном Ивом.

А вот она заходит в дом,
любимый дома, -
в руках шампанское со льдом
у Хэнкса Тома.

Прекрасно дома
у Хэнкса Тома.

А этот взял открыл “Бордо”
в стогу на поле,
она в руках у Бельмондо
у Жана Поля.

представьте, в поле
у Жана Поля.

И молодёжная мечта
необходима:
стоять в обнимку – красота!
С Биланом Димой.

Необходимо -
с Биланом Димой.

Ну и до кучи – Рома Зверь –
какой зверюга!
Влюбился так, что вынес дверь
и влез в фрамугу.
Такой зверюга –
залез в фрамугу.

Но тут – будильник, и возник
день настоящий:
к подушке муж во сне приник,
вовсю храпящий.
Муж настоящий –
Всегда храпящий.

А за окном поет весна,
Цветет купавкой,
Его погладила она
Ладонкой-лапкой.
не твёрдым тапком,
а мягкой лапкой.

Он удивлён и огорчён,
как ёрш на грядке,
но - поцелуй в его плечо –
и всё в порядке.
Ерши на грядке
всегда в порядке.

И тут подумала она,
Какое счастье,
Что можно так пожить во снах
Ненастоящих.
Какое счастье!-
Ненастояще.

КРОТКАЯ ЛЮБОВЬ

Крот сидел на корте,
думал не о спорте,
а его кротиха
горевала тихо.
Не спортивный был вопрос –
не о спорте,
а противный был вопрос –
об аборте.

Как же так случилось? -
Взяло получилось.
Был же он в аптеке,
Но слепой навеки.
Надевал вслепую крот
Эту бяку,
Взял размер, да вот не тот, -
На собаку.

Припев:

Их любовь такая кроткая
началась под облепихой,
удовольствие короткое,
а потом беда и лихо.
Удовольствие испитое,
боже, что ж это такое? –
Через пять минут забытое,
а забот – на век с лихвою.

Жалко же кротиху,
Эту молодуху,
Вот неразбериха
И упадок духа.
Крот сидел и грыз кокос,
Гнал кручину,
Вся карьера под откос,
Как в пучину.

**Пихтовые ветки
Горе заметают,
Кротиковы детки
В мамке подрастают.
И сказала громко мать,
Мать кротиха:
-Ты мужик, ядрена мать,
Или...выхухоль?**

Припев.

**Сняты все вопросы,
Съедены кокосы.
Крот прогнал кручину,
Сделал, как мужчина.
Подарил кротихе крот
Сотню лилий,
Жизнь сама собой идет,
Без идиллий.**

**Кротики – четыре,
Ротики – четыре,
Каждому красавцу
Надо по квартире.
Про карьеру крот забыл,
Грыз березы,
Но безумно счастлив был,
Вот курьезы!**

Припев.

НЕ СБЫЛОСЯ

Так у нас на Руси повелось –
повстречалось, но не встретилОся,
полюбилось, но не влюбилОся,
поженилось, но не пожилОся.

На фига мне такое сдалось? –
Ничего не сбылось, не сбылося.
Даже если немного зажглось,
но потом всё равно напилось.

Не напИлось, а вдрызг нажралось,
пошаталось и передралось,
не попало, - домой убралось
и добавило там, - надралось.

Завязать бы, да не довелось,
собиралось да не собралось,
и такое вдруг подобралось –
поднималось да не поднялось.

Правда, скоро, на утро пришлось, -
поднималось и – поднялось!
Это значит – не всё пропилось,
и по новой опять понеслось.

Дорывалось и дорвалось,
понеслось, как с цепи сорвалось,
зашивалось, но не прижилось.
Мало, но хорошо пожилося.

П Т И Ч К А

За окошком два сугроба,
где же ты, любовь до гроба?
Птичка те сугробы ест –
на любви поставлен крест.
Птичка все сугробы съела
и влюбиться захотела,
спела песню о весне,
об ушедшей белизне.

Припев:

А любовь у птички словно... птичка,
утром – песня, вечером – яичко.
Из яичка - клювики, как личики –
вылупились птенчики у птички.
И уже кричат птенцы – младенцы:
- Уберите с солнца полотенце!
Разлетелись из гнезда птенцы,
словно из тарелки леденцы.

Птичка ходит по сугробам,
птичка думает о многом:
- Может, съесть один сугроб
от болезней и хвороб?
И взяла сугробы съела
и влюбиться захотела.
Спела песню о весне,
об ушедшей белизне.

Припев.

МАРУСЕНЬКА

Я в магазин с Марусенькой зашёл,
взглянул на цены — пот полился градом:
с пятёрки раньше рупь на закусь шёл,
теперь к пятёрке пять добавить надо.

Моя жена не баба, а орех,
в глаза смотрю ей — денег бы хватило!
Да я прощу ей самый тяжкий грех —
пусть пол не моет, только бы купила.

Есть женщины в советских городах!
Моя жена, не дрогнув даже глазом,
червонец на прилавок им — ба-бах!
Купила мне «Пшеничную», заразу.

В другом отделе ищем холодца,
но нету ничего в универсаме.
Шуршат халаты лишь на продавцах
пузатыми тугими парусами.

Жена взгрустнула: надо что-то есть,
ведь дочь у нас — на выданье подросток,
ей стукнуло недавно двадцать шесть.
Как с дочерьями нынче все непросто!

— Маруся, мила, не переживай,
пойдём в кафе, закусим там немного,
ужасно хочется мне пожевать,
и выпить не мешает, слава богу.

Грудастая раздатчица сказала: — Вымя есть.
Об этом мы и сами догадались.
Но шутки прочь, ведь хочется и есть.
— Насыпь чего, а то изголодались!

— Я всем бы вам дала бы по мозгам,
но нет мозгов, возьмите лучше вымя.
Сейчас я всем по вымени вам дам,
вкуснятина, за уши не отымешь.

Бурёнка та была немолода,
и зуб скользил по порции из вымя,
ведь сколько коровят за все года
она вскормила дойками своими.

Потом пошла на мясокомбинат,
успешно там была она забита.
Для слуг народа шла на сервелат,
а для народа — вымя да копыта.

Для дочери мы взяли порций пять.
Пришли домой — она там не скучала.
— Знакомьтесь, предки, это новый зять,
дык вспрыснем-ка семейное начало.

И сев за стол, мы пили кто за что.
И я смотрел на зятя, на приبلудка,
и дочь жалел так просто, ни про что,
и водка с вымем встретились в желудке.

Шла наша жизнь обычной чередой.
Нам теледиктор из программы «Время»
сказал: — Вопросов нет у нас с едой,
в день завтрашний мы очень твёрдо верим.

Я в магазин с Марусенькой зашёл,
взглянул на цены — пот полился градом:
с пятёрки раньше рупь на закуску шел,
теперь к пятёрке пять добавить надо.

СТАС БОЛЬШОЙ!

Стас большой, зима здорова,
но Стас поздоровее.
Шутя-играя колет дрова,
по-доброму звереет.

Размах, удар, поленья — вдрызг,
звенит оконце в раме,
ещё удар, и тихий визг
оповестил о травме.

Соседка-баба, чтоб ей прыщ
вскочил бы на головку,
для сушки собственных трусищ
повесила верёвку.

И по закону о кругах,
о центробежных силах,
верёвка стерегла размах
и Стаса подкосила.

Но Стас сказал, жена права,
когда прощался с нею,
сказал он, что там голова,
есть вещи поценнее.

Карета помощи летит,
и Стас, как Щорс, в повязке...
Ты тешь к поленьям аппетит
в трусах стальных и каске.

КОТ БАРСИ К

Забрёл ко мне на дачу
котёнок-уголек.
Свернулся, как калачик,
устроился у ног.
Назвал его я Барсик -
так всех зовут в Перми,
он пел всегда романсик,
а я его кормил.

Он мордочкой не вышел,
но ласков был и мил,
его любили мыши,
и я его любил.
Он кильку ел и корки —
что сам я ем пока.
Не видел он икорки,
не нюхал молока.

Всегда мурлыкал гулко
и тёрся о сукно,
а утром на прогулку
выскакивал в окно.
Лакал супец вчерашний
и не любил котов,
хвалил уклад домашний
и был «всегда готов!»

Он думал: так и надо,
пока был мал и глуп,
что лучшая награда —
из кильки с мойвой суп.
Но встретил раз в подвале
бывалого кота.
Кот молвил: «Не видали
вы в жизни ни черта».

И после этой встречи
мой милый друг исчез,
он не пришел под вечер
и много дней через.
Я был в универсаме
однажды как-то раз,
гляжу — сидит, с усами
и бусин — пара глаз.

Меня узнал, но сидя
приветствовал меня,
как-будто я проситель,
должник и не родня.
Не ждал такой концовки,
а он развил усы
и вынес мне с фасовки
кусочек колбасы.

Он кверху вскинул морду,
а я уткнулся в пол.
И он остался гордый,
а я смурной ушел.
Я не люблю злословья,
но должен быть конец.
Ведь даже кот в торговлю
подался жить, подлец.

ТРАВМЫ

Месяц свои блёстки
в городе развеял.
Мчусь по перекрёсткам
с дальним светом хлётким,
за рулем трезвею.

Выпала дорога
дальняя на дачу.
Маша-недотрога
смотрит так нестрога,
с нею и лихачу.

Припев:

Травмы, травмы старые успели
подзабыться и подзалечиться.
Снова я в машине каруселю,
вот и дача нам навстречу мчится.

То была не дача,
а рефрижератор...
Руль исчез куда-то,
а в руках — горячий,
смятый радиатор.

Припев:

Травмы, травмы новые на теле.
Вот и пульс подводит, окаянный.
Снова я в машине каруселю...
Красный крест на ней?
Иль деревянный?

ЦЫГАНКА

Все карманы — наизнанку,
но купил автомобиль.
Я машину, как цыганку
молодую, полюбил.

Счастье — сидя за баранкой,
запах кожаный ловить.
Столько тыщ вложить в цыганку —
как её не полюбить?

Я любил капот и крылья,
в них глядел, как в небеса,
и ногой стучал несильно
по баллону колеса.

Как в цыганкиных глазищах,
в фарах целый мир блистал,
я с восторга влез под днище —
весь кардан исцеловал.

От любви такой обильной
у меня прошибло пот,
и зажал автомобильный
я в объятиях капот.

Гладил бритую щекою
лобовоея стекло,
и подхлынуло такое —
аж в ботинок потекло.

Сел за руль я, чист и светел, —
трогай, милая моя,
хоть цыганка — вольный ветер,
а послушалась руля.

Только метров через триста
я опять к ней воспылал,
завернул в лесок тенистый —
всю её исцеловал.

Пять проехал километров,
будто бес в меня залез —
через каждые сто метров
заворачивали в лес.

День когда лишь начал гаснуть,
Я очнулся —хватать-похватать —
для меня совсем неясно,
где ж машине ночевать?

Даже страсти поостыли,
опасеньям нет числа,
но любовь осталась в силе,
только ревность возросла.

Мимо милой ходят люди,
кто к ней близко подойдет —
закрываю сразу грудью
лобовое и капот.

Ладно, ставлю у подъезда,
где опавшая листва;
я читал в решеньях съезда,
что не будет воровства.

Лёг в квартире — ужас снится,
что в машине на дворе
чья-то блещет поясница —
ходят воры на воре.

Просыпаюсь спозаранку —
вся изорвана кровать.
Столько тыщ вложить в цыганку —
как её не ревновать?

Но сбылись мои опаски,
мои глазки — в десять слёз,
нет в багажнике запаски,
фары нет и всех колес.

Мы лежали — два подранка,
я визжал, впадая в раж.
Я люблю тебя, цыганка,
я куплю тебе гараж.

ГАРАЖ

(2-я серия)

На кишку надел бандаж,
побежал искать гараж,
хоть и был я весь разбитый и болезный.
Но гараж спасет от краж,
он машине, как блиндаж,
на запорах, на замках и весь железный.

— Эй, хозяин, дашь не дашь
мне за тысячу гараж?
Заиграла на губах его ухмылка:
— Мало дал, а много хошь —
цены прыгают, как вошь.
Сторговался я за две и плюс бутылка.

Руку к сердцу приложу,
бед хлебнул от гаража,
потому что гаражи, как филиалы
ресторанов и блатхат,
где сплошной матриархат,
где нарушены морали идеалы.

Я, как птица о двух крыл,
подлетел, гараж открыл,
только сразу ошарашен был и скован —
в уголке сидят две девки,
а хозяин без издевки
мне сказал, что, мол, гаражукомплектован.

Я сказал, раскомплектуй!
Девки в голос — вот те х-хрен,
к гаражам мы этим с детства приобщились,
ты нас просто накорми
и слегка опохмели,
что мы зря сюда с Химмаша притащились?

Это что же, на свои
накорми и напои?
Но — традиция, тут некуда деваться.
Я вина им притащил,
но, видать, переборщил —
девки начали зачем-то раздеваться.

Не нужна мне ни одна,
а с двумя совсем хана,
за подмогой побежал в гараж к соседу.
У соседа в гараже
тоже девки в неглиже,
он сказал, пересиди, пока уедут.

Заодно мне подсоби,
вишь, какие особи,
я смотрю, ко мне подсела, точно, особь.
Намекнула про любовь,
но, как Ленин и Свердлов,
не позволил я моральных перекосов.

Я вернулся, в гараже
девок не было уже.
Я раскинулся на мягкой оттоманке.
Думал я, ну ты скажи,
для чего же гаражи?
И зачем его купил своей цыганке?

А в соседнем гараже
пик намечен в кутеже:
шум от слез стоит, от песен и от танцев.
Крики: «Я тебе рожу
и в парткоме докажу!»
Ну как будто там гуляют иностранцы.

А потом все стихло враз,
выхлопной повеял газ,
я — в гараж быстрее, успел к ним, слава богу.
Угорели, как зверьки,
Я натер им всем виски —
задышали, зачихали понемногу.

А сосед Пономарёв,
как очнулся — сразу в рёв.
Ну а девушки, очухавшись, сказали:
— Не води ты нас в гараж,
лучше дома расшарашь,
в крайнем случае, в курилке на вокзале.

**Мне не надо гаража,
он как плесень или ржа,
отголосок он основ капитализма.
Это ж собственность, гараж,
значит, это просто блажь,
это клизма для идей социализма.**

**Сходу я продал гараж,
все в стихи, на карандаш,
а цыганку на стоянку я пристроил.
Пусть она в снегу, в росе,
но зато она, как все,
как и должно быть при самом верном строе.**

ГРИГОРЬЕВ ИЗ ЦК

(июнь 1982 г.)

В навоз воткнул я вилы
возле личной виллы,
зову так дачу я, точней — сарай.
И плюнул я с досады
в горшочек для рассады,
ну кто сказал, что дача — этой рай?

Жена клопов ловила
В диване нашей виллы,
а с кухни выгоняла пауков.
— Шабаш! — сказал ей громко, —
давай мои котомки,
отправь меня на волю из оков.

— Варвара, нету мочи,
я в Крым хочу и в Сочи,
целуй меня скорее в нос и лоб.
Поеду я в Алупку,
там все без полушубков,
и я там загорю, как эфиоп.

Я деньги взял в чулане,
над ними вечерами
мечтал, теперь прощай, велосипед!
Жена всплакнула малость,
а что ей оставалось?
Рукой покорной погрозила вслед.

Вокзал гудел, как улей,
мужчину там разули —
хулиганье! Мне жалко мужика.
Отдал ему я кеды,
он их надел покеда,
представился: «Григорьев из ЦК».

— А что ж ты не спецрейсом,
не воздухом, а рельсом?
В вагоне ехать суток полторы.
Он оглянулся ловко,
шепнул: «Командировка.
Не спрашивай про это до поры».

Его я принял в пару:
один погибнет парень,
на всем готовом он сидит в ЦК,
отвык от нашей жизни,
живет при коммунизме,
а тут реальность схватит за бока.

Мы встали за билетом,
но стало ясно — где там!
Кругом толпа, жара и мишура.
Как зверь, я рвался к кассе,
мне кто-то нос расквасил...
Взял в общий два. В Алупку! В Крым! Ура!

В вагон наш проводница,
с глазенками девица,
втокнула пассажиров сотни две.
С Востока ехал дембель,
глушил вино под крендель,
Григорьев ужаснулся — скотник-де.

В портяночном настое
доехали мы стоя,
Григорьева я вынес на руках.
Он лёг под первый тополь
и крикнул: — Симферополь!
Как далеко ты, сволочь, от ЦК.

Он стал искать бумажник,
но побледнел весь ажник,
сказал: «Украли». Сделался суров.
Потом издал он вопль,
из носа вытек сопль:
— Ну как же так? Ведь нет у нас воров!

Добавил: — Вот так ребус.
Мы сели на троллейбус.
Григорьев ехал молча и потел.
В Алупке комнатёнку
мы сняли за пятёрку,
пошли на пляж, где море разных тел.

Сказал, вздохнув, Григорьев:
— И наши все на море,
в Ливадии балуют до утра.
Едят икру и сёмгу,
а за вотделом Сёмка
лакею тычет в морду осетра.

Живём не хуже негров,
ведь сколько в наших недрах
и золота, и нефти, и угля.
На нас Массандра пашет,
Дюрсо Абрау — наше,
вина как грязи, только потребляй.

Я молвил с интересом:
— Молчит об этом пресса,
зато о показателях орём.
Вот мы с тобой у тётки
живем не по путёвке,
А ваши тоже едут дикарём?

И если да, то сколько
вы платите за койку?
И как спиртное? Тоже до семи?
Когда берёшь бутылку,
не чешешь ли в затылке,
челом не бьёшь таксисту до земли?

В палате цен кто служит,
наверное, не тужит,
вздувая цены на процентов сто.
Я слышал, замминистра
за воровство — под выстрел,
а ты, мол, не слыхал про воровство.

Тебя обворовали —
не умер ты едва ли.
А замминистра всех — под гребешок!
А сколько замминистров?
Скажи-ка, только быстро.
Вот то-то же. И есть у всех грешок.

Заржал, как конь, Григорьев,
видать, не знал он горя.
Потом сказал: — А знаешь, почему
я здесь торчу с тобою
у грязного прибоя?
Вникаю в жизнь, доложить кой-кому,

И вот сейчас я вижу,
что многие без грыжи.
Вот ты, к примеру, вёрткий, даже жуть.
Так значит, цены можно
взвинтить еще немножко,
все гайки завинтить, чтоб не вздохнуть.

Я онемел как рыба:
— Ты без меня погиб бы,
разут и обворован, в душу мать!
Тебя пою, кормлю я,
такого чистоплюя,
а ты доложишь — дальше зажимать?

В Ливадию со смехом
он в тот же день уехал,
а я вернулся к вилле и к жене.
Доложит он серьёзно,
что вник, мол, скрупулезно:
предела терпежу в народе нет.

ПОЕЗДКА ЗА ГОРОД

С другом Колькой едем в лес,
на прогулку, значит,ся,
он ко мне в машину влез
и давай артачиться.

— Кто же с голыми руками
по лесу шатается?
В сухомятку шашлыками
и собака давится.

Алкоголь, мол, ядовит —
чушь бы не морозили.
Только водка сохранит
горло от коррозии.

Завернули в магазин,
взяли от коррозии,
погрузили в лимузин
и махнули к озеру.

На природе — все о'кей,
мы под сок берёзовый,
как французы пьют коктейль,
пили вермут розовый.

Раз и — древо, два и — древо,
раздвоились деревья.
Мы нырнули с перегрева,
чтоб остыла голова.

Он в воде стоял по нос:
мол, тону же, братцы, я,
у меня стоял понос
и галлюцинация.

Кольку трахнул по башке
для спокойя общего,
а потом на бережке
откачал утопшего.

**Он очнулся, сразу в глаз
локтем мне подначил.
Я с вопросом — вот те раз?
Он с ответом — сдача.**

**После, в общем, скромной драки
мы устали как собаки.
Это значит, как бы вроде,
отдохнули на природе.**

**И под вечер как уроды
возвращались с Колькою.
Мы решили: на природу
брать не будем горькую.**

ПЕСНЯ ПАШИ РУКОСУЕВА

Я утром меж пятью и так семью,
бывает, просыпаюсь и «кукую»,
все больше размышляю про семью,
про жизнь свою какую-никакую.

И где-то утром, около шести
на вывод выхожу довольно странный:
вот женщины, их гладишь но шерсти,
лелеешь, а они наносят раны.

Я в юности копался, выбирал,
хотел невесту, чтобы без ошибки,
приехал, помню, как-то на Урал,
женился на одной красивой шибко.

На свадьбе даже встал я на скамью,
сказал гостям, что я, мол, Рукосуев,
всем сердцем голосую за семью
и за жену всей грудью голосую.

Жену с другим я встретил среди дня
мне судорога ногу заковала:
жена голосовала без меня,
не за меня с другим голосовала.

Я все-таки подстроил им свинью,
сказал категорично: — Протестую!
Провозгласил: — Долой тогда семью!
И взял ушел в свободу холостую.

Теперь уже меня не проведешь,
не надо мне красавиц, в самом деле,
я выберу шершавую, как еж,
чтоб волосы от ужаса седели.

С такими проще: выбрал — отлегло,
на свадьбе заявил я прямо с места:
— Всем сердцем голосую за него!
Спросили, за кого? — Да за невесту.

Но где-то замечаю через год,
ей брак со мной на пользу шел, однако.
Я по утрам встаю, смотрю — цветет
и женственной становится, собака!

Осыпались волосики с лица,
и прыщики исчезли, и морщины.
И вот в районе нашего крыльца
глазеют подгулявшие мужчины...

Я снова холост, я судьбу не злю,
бывает, и на свадьбы захожу я,
и там я голосую за семью,
не за свою, конечно, — за чужую.

Я не могу и слышать про семью,
я женщин даже в мыслях не рисую,
я руку в это дело не сую,
хотя я, как и прежде — Рукосуев.

Восемь лет работы
промелькнули что-то —
даже не заметил.
Запах канифоли,
шутки на АЛГОЛе,*
я теперь в газете.

Инженер Володя
по своей природе
был весьма нахрапист.
Вобщем-то за дело
стал он завотделом,
но любил анапест,
ямбы и анапест.

И любовь к поэзии
больно и железно
стала брать за горло.
Бросил свой портфель я,
стал я, как Офелия,
голый, но не гордый.

А моя Одетта
сыта и одета,
стонет до рассвета:
— Состоянья нету,
гарнитуров нету,
хоть иди по свету.

А твоей зарплаты
даже на заплаты
не всегда хватает...
И любовь исчезла
мановеньем жезла,
дружба исчезает.

Рифму для начальства
я ищу в нахальстве,
а она в зарплате.
Мне вчера приснилось,
что с другим явилась
в подвенечном платье.
Хорошо, что в платье.

**Может быть, потомкам
покажусь я тонким,
мне они поверят.
Что ей те потомки!
И стоят котомки
для меня у двери.**

**К девушкам свободным
обращаюсь с просьбой —
я предвижу драму.
Пусть пока женат я,
но на всякий случай
не спешите замуж,
не спешите замуж.**

АЛГОЛ – язык ЭВМ*

****ЭВМ – электронная вычислительная
машина.**

ДВА ВАЛЕНТИНА

Два мужчины, оба – Валентины,
Выплыли на берег из пучины.
Девушки на пляже обалдели,
Тёмные очки они надели.

Вроде смотрят в море, а – на деле
На мужчин глядели две модели:
Просто не мужчины, а трофеи!
И на них запали обе феи.

Не было напора и тарана,
Парни пригласили в ресторан их,
И зашли не шатко и не валко,
Мышцами играя, в раздевалку.

Вышли мужики, как два «таджика»,
В брюках из Китая, ты скажи-ка!
В тапочках и клетчатых рубашках,
Всё сидело, как на барабашках.

И ошеломлённые модели
В ресторан идти не захотели,
Растворились как-то торопливо,
Сразу улизнули из залива.

Вслед им прокричали Валентины:
- А зовут вас тоже Валентины?
Тут хоть удивляйся, хоть смотри, но –
Весь прикид у фей от «Валентино».

Поняли мужчины-Валентины -
Плохо быть китайским Буратино.
И теперь они, как Тарантино,
Покупают всё от «Валентино».

ПОЛЮБИТЕ ПОЭТА

**Мы поэты, мы поэты,
Полюбите нас за это.
Не судите, полюбите,
А за что – сообразите.**

**Мы стреляем из орудий
То куплетом, то дуплетом.
Полюбите без прелюдий
Сумасшедшего поэта.**

**Не дудите на трембите,
А возьмите полюбите
Не за то и не за это,
За название, поэта.**

**Кто назвал себя поэтом, -
Ваша песенка не спета.
И запела вся планета
Два припева, три куплета.**

**Их поют у парапета
Три весёлых карапета.
Люди хлопают в ладони,
Эту песенку долдоня.**

**Мы поэты, мы поэты,
Полюбите нас за это.
Не судите, полюбите,
А за что – сообразите.**

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ПОКА, МОСКВА

Пришла пора, Москва, с тобой прощаться,
пришла пора.
Скажи мне кто — я стал бы возмущаться
ещё вчера.

Ещё вчера в театре на Арбате
смотрел спектакль;
в метро, боясь объятий автомата,
бросал «пятак».

Гудел колес правительственных «Чаяк»
тяжелый шарк.
Мерцал у «Мерседесов» цвета чая
интимный шарм.

Лицом к французам, а спиной к испанцам
стоял в Кремле.
Спешил к тебе из ГИТИСа с шампанским
и с крем-брюле.

Почтили мы в Ваганьково обитель
певца-Христа,
гуляли мы, как Мастер с Маргаритой,
по их местам.

Ещё вчера свиданья назначали,
как в первый раз,
и верили горячими ночами,
что жизнь воздаст.

Еще вчера!
А утро показало —
растаял воск.
И наш багаж с Казанского вокзала
спешит в Свердловск.

Пока, Москва, седьмое чудо света,
глотай «пятак».
Но я вернусь к тебе не позже лета,
не жить, а так.

З Е Л Ё Н Ы Й М Ы С

Стоит весенняя пора,
вот-вот пробьется травка.
Друзья врываются с утра
и вносят в жизнь поправку.

Бросай дела, машина ждет,
без нас природе туго.
В лесу без зрителей поет
залётная пичуга.

Ах Зелёный, ах Зелёный этот мыс.
Полюбили его миссисы и мисс,
этот берег, эти сосны, лёгкий бриз.
Мыс Зеленый, ты как праздничный сюрприз.

Ах Зелёный, ах Зелёный этот мыс,
разрешите обратиться к Вам на Вы-с,
разрешите развести на Вас костёр
и влюбиться в Ваш берёзовый простор.

А шашлыки пустили сок,
летит дымок высоко.
А тот берёзовый лесок —
он тоже полон сока.

А в небе солнечный малыш
плескается, как в луже.
Не нужен Сочи и Париж,
и даже Крым не нужен.

Ах Зелёный, ах Зелёный этот мыс.
Ты несёшь в себе какой-то тайный смысл.
Сквозь деревья, сквозь дымок смысл улови,
мыс надежды, мыс мечты и мыс любви.

Ах Зелёный, ах Зелёный этот мыс,
ты наводишь нас на правильную мысль:
к шашлыкам ни спирт не нужен, ни кумыс,
лишь друзья нужны и ты, Зелёный мыс.

**А спаниель бежит — алле! —
вихляющей походкой,
скользит ушами по земле
и мордочкой, как лодкой.**

**Лакнул из банки чей-то сок,
чихнул — не очень сладкий.
А у хозяина кусок
в руках лизнул украдкой.**

**На природе, спаниелька, пошуту,
ты находишься на правильном пути.
Ах Зелёный, ах Зелёный этот мыс,
ты по нашим чувствам солнечный круиз.**

**Ах, Зелёный, ах, Зелёный этот мыс,
полюбили его миссисы и мисс.
Этот берег, эти сосны, легкий бриз —
между озером и лесом компромисс.**

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПАРК

Поверить в тишину и удивиться.
Спешить и суетиться не к лицу.
Бушует где-то близко ритм столицы,
а в этом парке тихо, как в лесу.
Тут белка озорная вмиг утешит
нечаянно возникшую печаль —
возьмёт с руки обещанный орешек,
мелькнет по елке рыжая спираль.

Припев:

Московский Измайловский парк,
над озером утренний пар.
А ранняя птичья молва
тебя воспевает, Москва.

Взмахнула покрывалами прохлада,
и рябью строк подёрнулась вода,
как летопись далекого уклада,
когда была Россия молода.
Здесь мальчик Петр, стоя у штурвала,
кораблик детский вывел на заре.
У озера есть русское начало
Балтийского и Черного морей.

Припев:

Московский Измайловский парк.
Над озером утренний пар.
Мне видится тут по утрам
плывущий кораблик Петра.

Черемуху нагни и потряси ей —
осыплется черёмуховый цвет
в то озеро, как в зеркало России
минувших и ее грядущих лет.
В том зеркале сверкает на параде
недвижимый вечерний небосвод,
но вот она, звезда, на водной глади
корабликом космическим плывет.

Привет:

**Московский Измайловский парк.
Над озером утренний пар,
а ранняя птичья молва
тебя воспевает, Москва.**

**И оживает сказочная притча
Под сенью затаившихся ветров.
Выныривает к парку электричка
из глубины столичного метро.
И катит осторожно по опушке,
везёт меня на встречу к тишине,
деревьев изумрудные верхушки
приветливо склоняются ко мне.**

Привет:

**Московский Измайловский парк.
Над озером утренний пар,
а ранняя птичья молва
тебя воспевает, Москва.**

СТУДЕНЧЕСКАЯ РИГА

Студенческая Рига
стоит на Даугаве.
Другие там студенты
по улицам идут,
справляют праздник Лиго,
не думают о славе
и любят свой крылатый
Рижский институт.

Кудрявая латышская столица —
зеленый сад, бульваров чистых нить.
Как хочется сейчас остановиться,
на Бастионке сесть и закурить.

На пенсии деканы
уже давно, конечно,
с чуть влажными глазами
глядят на самолет.
Летают в Рим и Канны
студенты безупречно,
высоко держат знамя
крылатое свое.

Кудрявая латышская столица,
два лебедя на зеркале воды,
ночной канал неоном озарится
и тронет в сердце нежные лады.

На взморье, как бывало,
песок позолотится,
нас трогает на пляже
прохладная волна.
Как много лет и мало
студентам-футболистам,
и сосны дюнам скажут,
что молодость одна.

Кудрявая латышская столица
стоит, янтарный берег озарив.
А в «Юрас Перле», нечего таиться,
смотрели мы сквозь пиво на залив.

**Нас с моря привозила
шальная электричка,
загар служил нам визой —
вход только молодым.
А в слякотные зимы
по комнатам-чумичкам
смотрели телевизор
сквозь сигаретный дым.**

**Кудрявая латышская столица,
цветёшь уже ты много лет без нас.
Тебя люблю я, Рига! А влюбиться
в тебя не грех хоть миллионы раз.**

**Мечтая об успехах,
бродили в старой Риге,
где улицы, как нитки,
сцепились в кружева.
А в Домском, где царь-эхо,
молчали мы от Баха,
потом под Битлов пели —
гитара чуть жива.**

**Кудрявая латышская столица,
молчит туман на улицах твоих.
Мы души наши грели в «Синей птице»,
где есть бальзам и кофе на двоих.**

**Кудрявая латышская столица —
зелёный сад, бульваров чистых нить.
Как хочется сейчас остановиться,
на Бастионке сесть и закурить.**

* * *

**Я вхожу в эту комнату
с ярким светом огня
и супругу законную
поспешаю обнять.**

**Чтоб ресницы пушистые
прикасались к щеке,
чтобы сердце неистово
билось, как на щите.**

**Год не виделись вроде бы,
я тоской изошел...
Просто я на работе был,
а под вечер пришел.**

**И часы-безобразники
из обид и разлук
превращаются в праздники
наших сомкнутых рук.**

Улица Медиков,
улочка тихая,
солнце рассветное
плавно взошло.
Медленно-медленно
что-то великое,
но незаметное
произошло.

Вечный младенец
и бабка — Вселенная
нянчит свою
гениальную дочь —
тёплую Землю
благословенную,
наглых комет
отгоняет всю ночь.

Крошкой Галактикой
правят извечные
силы законов
движения тел.
Звёзды-солдатики
тропами млечными
ищут нехитрый
звездный удел.

Тропы небесные
где-то вливаются
в улочки наших
земных городов,
этими тропами
к нам опускается
наша Любовь
из далёких миров.

**Дружба и Верность
почетными слугами
ждали подругу,
и чудо сбылось —
вот она встала
на землю упругую,
звёздную пыль
уронила с волос.**

**...Годы мелькают,
кораблик качается,
нам не хватает
ни смеха, ни слёз.
Пусть никогда
у любви не кончается
вечный огонь
неизведанных звёзд.**

Домик у озера,
кружечка козьего
молока.
Чистая спальенка,
белые в валенках
облака.

Красные полосы
из гладиолусов
во дворе.
Ёлочки рослые,
«зайчики» росные
на траве.

Жирная пахота,
женское аханье,
скрип телег.
Чистый и радужный,
добрый и радостный
интеллект.

Нитка пушиная,
песнь петушиная
по утру.
Там в огороде я
слёзку по родине,
сев, утру.

ПЁС БУРБУЛЬ

Бархатные уши
И кирзовый нос,
Поиграть, покушать –
Это не вопрос.

Взгляд сосредоточен,
Карие глаза,
Если он захочет,
Может всё сказать.

Ни при чём погода,
Ни жара, ни хмурь,
Он согласен с ходу
На любую дурь.

Вот подносит мячик,
Палочку в лесу,
Просит и маячит –
Кинь, я принесу.

Он быстрее ветра –
Вот - и у ворот,
И язык в полметра
Не залазит в рот.

Уезжаю утром –
В зеркале - забор,
Голова межпрутьев
И тоскливый взор.

Вечером – с работы:
На дыбы и – в рост,
Крутит обороты
Мускулистый хвост.

Ну, давай, покушай,
Палец не хватай,
Лучше всякой суши
Мясо и минтай.

Убегал за сукой,
Приходил в крови,
Испытал все муки
Дружбы и любви.

Мягкая лежанка,
Аспирин УПСА,
Ничего не жалко
Для такого пса.

Кошки – в криках слёзных,
Раненые псы,
Рокер он серьёзный
И гроза попсы.

Мордою квадратной
Тычется мне в нос,-
Я неадекватно
Что-то произнёс.

Кружится, по горло
В озеро войдя,
По - актёрски гордо
Чувствует себя.

Быстро, без заминки,
В холод или зной,
Словно на резинке
Следует за мной.

Не свербила совесть,
До свиданья, лес,
Он со мной на поезд
До Москвы залез.

- И чего не спится
Всякой шантрапе? –
Он от проводницы
Охранял купе.

Помогал построить
Дачу и бассейн.
Как? – А очень просто -
Не мешал совсем.

**Дышат перегаром
Сторожа у нас,
Он их из пожара
Выволок и спас.**

**Заодно и дачу
Этим уберёг,
Он в судьбе собачьей
Сделал всё, что мог.**

**Голову на ногу
Грустно положив,
Счастлив был немного
От того, что жив.**

**Но почуяв приступ
Близкого конца,
Он из дома вышел,
Умер у крыльца.**

**Нету белой морды.
В памяти – живой:
Ногу вскинул гордо,
Крутит головой.**

**Осень крадется лисьей походкой,
лишь ухмыльнется тёплой погодкой.**

**Тут же наводит лисьи порядки:
рыжие листья, рыжие грядки.**

**Хитрые глазки, мордочка лисья:
падают листья, падают листья.**

**И нарисует хитрый художник:
капает дождик, капает дождик.**

**Где же ты, осень? Снежная крошка.
Только по снегу — лисья дорожка.**

ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

СЫН ЧЁРНОГО КОТА

Забрёл ко мне на дачу
котёнок-уголёк,
свернулся, как калачик,
устроился у ног.
Он мордочкой не вышел,
но ласков был и мил,
его любили мыши,
и я его любил.

Припев:

Он такой серьёзный котик,
Он папаше не чета,
наоборот,
ему везёт –
сын чёрного кота.

Всегда мурлыкал гулко
и тёрся о сукно,
а утром на прогулку
выскакивал в окно,
но встретил раз в подвале
бывалого кота.
Кот молвил, не видали
вы в жизни ни черта.

Припев.

И после этой встречи
мой милый друг исчез.
Он не пришёл под вечер
и много дней через.
Я был в универсаме
однажды как-то раз,
гляжу – сидит с усами
и бусин – пара глаз.

Припев.

**Меня узнал, но сидя
приветствовал меня,
как будто я проситель,
должник и не родня.
Не ждал такой концовки,
а он развил усы
и вынес мне с фасовки
кусочек колбасы.**

Припев.

**Он кверху вскинул морду,
а я уткнулся в пол.
И он остался гордый,
а я смурной ушёл.
Я не люблю злословья,
но вот такой конец.
Ведь даже кот в торговлю
подался жить, подлец.**

КОЗОЧКИ

У козы пушистой Розочки
родились две белых козочки
и еще один козленочек —
все гуляют без пеленочек.

Им еще всего три месяца,
а они как черти бесятся,
друг за другом так и носятся
и домой совсем не просятся.

К нам приехал дядя-родственник,
он чужак и производственник.
«Жигули» его не в гараже,
он в них спал и был настороже.

Тут бежал один лохматый пёс,
с почты он в зубах газету нёс —
испугалась рать козлиная,
прыг - на крышу «Жигулиную».

Козы топают копытцами,
из машины дядя — прочь бежать
и кричит: «Спасай, милиция!».
Тут беды, беды не избежать.

А потом, когда увидел коз,
то смеялся дядя наш до слёз,
говорил, какие славные,
до чего ж они забавные.

МАЛЕНЬКАЯ АКТИВИСТКА

Активистка я отрядная,
я сегодня вся нарядная,
у меня мероприятие —
пионерское занятие.

Припев:

Пусть Андрюшка этот дразнится,
ну а мне какая разница?
Я шагаю на собрание,
на Андрюшку — ноль внимания.

Кем нам стать, решала с Наткою,
у меня свое предвиденье —
вот как стану космонавткою,
как покажут в телевиденьи!

Припев:

Пусть Андрюшка этот дразнится,
ну а мне какая разница?
Я шагаю на собрание,
на Андрюшку — ноль внимания.

Я в делах и мыслях быстрая,
хороши и речь, и выговор,
вот как стану замминистра я,
как вкачу Андрюшке выговор!

Припев:

Пусть Андрюшка этот дразнится,
ну а мне какая разница?
Я шагаю на собрание,
на Андрюшку — ноль внимания.

И стоит Андрюшка, нежится,
наблюдает — руки скрещены...
Всё на нас, девчонках, держится,
а у взрослых — все на женщинах.

Припев:

**Пусть Андрюшка этот дразнится,
ну а мне какая разница?
Я шагаю на собрание,
на Андрюшку — ноль внимания.**

ПЧЕЛА

Я помню, что ещё вчера
меня замучила пчела,
взяла и села на чело,
сидит и больше ничего.

Припев:

Жужжала, кружила,
похоже, не тужила,
кружила, жужжала,
меня не обижала.

Но я решил убить пчелу,
с размаху шлёпнул по челу,
теперь разбухло все чело,
и я похож на чу-чело.

Припев:

Жужжала, кружила,
похоже, не тужила,
кружила, жужжала,
меня не обижала.

Но не напрасно бил я с силой,
пчела в чело не укусила,
она на нос перебежала
и только там воткнула жало.

Припев:

Жужжала, кружила,
похоже, не тужила,
кружила, жужжала,
меня не обижала.

Себя ругаю, почему?
я просто не прогнал пчелу?
Ведь я теперь хожу курносый,
ничто не вижу, кроме носа.

Привет:

**Жужжала, кружила,
похоже, не тужила,
кружила, жужжала,
меня не обижала.**

КРОТ

Мы пришли копать картошку —
вот те на!
Накопали только плошку —
убрана.
Кто же взял всю нашу долю —
как узнать?
И решили мы на поле
ночевать.

Привет:

Может, крот,
может, кот,
может, даже бегемот,
только он не ест картошку
и у нас он не живет.

Вот вылезит из-под дуба,
точно, крот.
Откопал огромный клубень,
раз — и в рот.
Проследили мы за вором,
ох, не глуп.
Взял, отнес картошку в нору
он под дуб.

Значит крот,
а не кот.
И совсем не бегемот.
Он совсем не ест картошку
И у нас он не живёт.

Откопали эту нору —
там запас,
натаскал картошки гору,
как для нас.
Мы домой картошку взяли,
можно спать.
Хорошо! Картошку в поле
не копать.

**Ай да крот! Что там кот,
что там даже бегемот,
кто совсем не ест картошку,
долго тот не проживёт.**

**И кроту картошку дали,
чтобы крот
жил бы сладко без печали
целый год.
Чтобы силами налился
и опять
начал осенью картошку
нам копать.**

**Ай да крот,
что там кот,
что там даже бегемот.
Кто совсем не ест картошку,
Долго тот не проживёт.**

ПЁСИК ПЕРСИК

Пёсик наш маленький рыжий,
носик торчит, как у лыжи,
любит играть он с нами в игры
и не боится даже тигра.

Это наш пёсик
с огненной шерстью,
косточки просит,
звать его Персик.

Пёсик наш маленький рыжий
как-то смотрел телевизор,
там как залаял огромный псина,
пёсик от страха лег на спину.

Думал наш Персик —
рядом собака,
лёг он от страха —
дыбом рубаха.

ТЕРПЕЛИВАЯ СЕСТРЁНКА

Ой, мамочка, хочу тебе сказать я,
меня братишка ущипнул,
тянул меня за лялочку от платья,
тянул меня за лялочку
и я ступила в ямочку —
сандалик мой, сандалик утонул.

Припев:

Но я совсем не плачу,
не дам ему я сдачу,
я даже не грущу,
я все ему прощу.
Он маленький, братишка,
шалит без передышки,
а я совсем другая —
его оберегаю.

Ой, мамочка, не ставь братишку в угол,
давай-ка шалости прощать.
Мне сломанных не жалко даже кукол.
Часы стучат: тик-так-тики —
растут, умнеют братики,
потом сестрёнок будут защищать.

Припев:

Но я совсем не плачу,
не дам ему я сдачу,
я даже не грущу,
я все ему прощу.
Он маленький, братишка,
шалит без передышки,
а я совсем другая —
его оберегаю.

ВОЛШЕБНЫЙ АРБУЗИК

**В Новый год на ёлке
вырастет арбузик.
На головке — чёлка
и смешной картузик.
Птица перепёлка
прилетит на ёлку
и споет нам песню,
и арбузик треснет.**

Припев:

**Новый год, наступай,
будут песни, музыка,
карапузики, вылазьте
из арбузика.**

**Выйдут из арбузика
восемь карапузиков —
как запляшут танцы,
не слетели б штанцы.
Да и мы запляшем
в хороводе нашем,
не слетели б тапочки
с мамочки и папочки.**

Припев:

**Новый год, наступай,
будут песни, музыка,
карапузики, вылазьте
из арбузика.**

ПИСЬМО ОТ ПАПЫ

Почтальон приносит нам журналы,
почтальон приносит нам газеты,
но газет с журналами мне мало —
жду письмо от папы я все лето.

Припев:

Солнца из-за тучи нет и нет,
дождик детства, капай.
Мама, не выписывай газет,
выпиши письмо от папы.

Папа наш, конечно, всех умнее,
он письмо напишет в две минуты.
Очень быстро он писать умеет,
но письма не пишет почему-то.

Припев.

Я сижу тоскую над «Мурзилкой»,
что-то мне с «Мурзилкой» не до шуток.
Лучше с папой в лес пойти с корзинкой,
там в лесу грибы, как парашюты.

Припев.

Папа не забыл, конечно, дочку,
в том не сомневаюсь я ни грамма.
Просто я сама пойду на почту,
выпишу от папы телеграмму.

Припев.

НАШЕЙ МАМЫ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Что там баба варит в кухне,
не пускает за порог?
И совсем она не варит,
а печет — большой пирог.

Что там деда тащит в банке,
аж глотает слюнки кот?
И совсем он и не тащит,
а несёт — на стол компот.

Что там папа спит, как Тобик,
наверху совсем притих?
Он совсем не спит, как Тобик,
а как Тузик, — пишет стих.

Просто все сегодня в деле.
Мамин праздник — праздник всем.
Маме будет двадцать девять,
а совсем не сорок семь.

Все сегодня: Тобик, Тузик,
Рыжая и Васька кот,
Луша, папа, деда, баба
веселятся в праздник тот.

Веселятся все невольно,
даже Рыжая и та
тузит Тузика невольно,
бьет по кончику хвоста.

Тётеньку Наташеньку и мамочку
поздравляем мы от всей души.
Ты для нас — как солнышко и лампочка,
мы же — малыши-карандаши.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ЖЕНА!

Болят колени, ноют два бедра.
К чему? К дождю все эти наслажденья?
Но дождь уже идёт как из ведра.
Наверное, всё это к дню рожденья.

Жена уж не кричит из-за ста грамм —
почуяла чего-то приближенье.
Лишь иволга кричит по вечерам
от несваренья и непрохожденья.
Сомнений нету — это к дню рожденья.

Припев:

Из-за каждого куста
прёт второе августа.
Расцветают неспроста
именинницы уста.
Знаю, нет на ней креста,
но есть всякие места.
Те места и красоту
я использую в быту.

Да, август этот, он уж тут как тут.
Придёт, схватит и крепко напоит он.
И бросит не на мат, не на батут,
а на асфальт, на гравий и на битум.

Жена заявит завтра мне с утра:
— Ты помнишь хоть, что здесь происходило?
— Не помню! Но я знаю, что вчера
я счастлив был, что ты опять родилась.

Припев:

Ты родилась под кустом,
под капустным под листом,
под капустным под листом,
в огороде за мостом.

Подступала так же осень,
как сегодня в двадцать восемь.
Двадцать восемь, двадцать восемь —
очень мало, мало очень.

Мне рядом с ней неловко, как мышу,
в ней сметка есть кошачья и грация -
скользит, как леопард, по камышу,
спешит, как огуяр, ко мне подкрасться.
Но не ищу я худа от добра.
Обидно, но признаюсь в день рожденья:
ведь женщины — из нашего ребра,
а вот поди ж, свое имеют мненье.

Припев:

Будем мненье уважать,
будем жён не обижать,
будем их спасать, дрожа,
от снегов и от дождя.
Будем преданнее Рекса,
кексы купим, скажем текст:
день рождения без кекса —
как без секса кобель Рекс.

Теперь, прошу простить, — официоз:
прими мои такие поздравления,
чтоб шёл по коже праздничный мороз
и в пот бросало аждо просветленья.
Волнуюсь от соска и до соска.
Прими меня, как скромненький подарок,
мне лучшего бы было не сыскать,
а худшего тебе не надо даром.

Припев:

Съем на завтрак я сырок,
встану в столбик, как сурок.
Сэкономлю на сырках —
вся жена пойдет в сурках.
Буду ей смотреть я вслед
много зим и много лет,
волноваться лет до ста
от усов и до хвоста.

ДИВНАЯ, РОДНАЯ...

Дивная, родная, золотая
Женщина любимая моя.
Осень, желтым цветом заметая,
Наполняет августом поля.

Дорогой длинною, да ночкой лунною
с тобой опять уйдем на карусель,
руками сильными, губами юными
пройдемся мы отсель и досель.

Ночь была из бархата и шёлка,
а заря прозрачней янтаря,
ночью соловей свистал и щёлкал,
чудеса и магию творя.

Дорогой длинною, да ночкой лунною
я увезу тебя опять к реке.
Поля былинные, золоторунные,
и мир дрожит в росинке на руке.

Я тебе отдам волшебный остров,
по нему хозяйкою броди.
Тонет в океане, как подросток,
сердце изумленное в груди.

Дорогой длинною, да ночкой лунною
вернемся мы на наш волшебный Кипр,
где ванны винные, где пляжи дюнные,
«Шерше ля фам» - шуршит шершавый шипр.

Спи, моя богиня неземная,
в шёлке поцелуев простыня.
Встанешь ты, не ведая, не зная
всех забот нагрывшего дня.

Дорогой длинною, да ночкой лунною
опять во сне над городом паришь.
Мечты орлиные, желанья юные —
я воплещу их в Лондон и Париж.

*Любимой женищине писать —
Так лучше сразу утопиться,
Свой локоть легче искусать,
В субботу легче не напиться.*

*Стопу и форму выбирал,
Чтобы воспеть стопы и формы.*

ВСЁ О БАБЕ

**Я рано утром встаю чуть свет,
Встаю я рано, а баба — нет.
Хожу я в ванну и в туалет,
Хожу на кухню, а баба — нет.**

**Топчу, как слон я, соплю, как кит,
А баба, словно не слышит — спит.
Ах, мы какие, мы сладко спим,
А я и чайник — уже кипим.**

**Ведь абсолютный у бабы слух,
А вот подиж ты, лежит без ух.
И абсолютный у бабы нюх,
Нос без изъянов и без соплюх.**

**Я принял как-то пятнадцать грамм,
Зашел в квартиру, как входят в храм,
Ноздрями дышит, как пылесос:
— Где ты напился? — кричит вопрос.**

**Я ехал в лифте, пришёл домой.
- Ты обоссался, любимый мой.
И уточнила по мере сил:
-Ты обоссался, но изменил.**

**А как-то в лифте мадам одна
Духами пахла, хоть дай говна.
Подозревал я, что тут подвох,
Терпел я долго, но сделал вдох.
А дома баба...**

Мой выдох ловит ее ноздря,
Я понял, в лифте вдох сделал здря.
Ведь абсолютный у бабы нюх:
— Ты изменил мне, ты был у шлюх.

Однако запах и дух кота
Она не слышит, ну ни черта!
При всём при этом, при всём при том
Я убираю сам за котом.

И абсолютный у бабы глаз:
Всё, что не надо, увидит враз.
Засос на шее от комара
Изучит в лупу! И ни хера.

Что ей не надо, не видит, нет.
И не укажешь, хоть дуй в кларнет.
На тараканов, скосив глаза:
— Так это ж семя от арбуза.

И абсолютный у бабы щуп,
И ручки цап-цап, как пасти щук.
Залезет в брюки, и — мне каюк,
И — нету денег в кармане брюк.

И абсолютный у бабы ум,
И зад валютный, и бюст — колдун.
И руки, ноги, опять же, рот,
И мой любимый её живот.

Ну ничего же не лишена,
Она и Солнце, она — Луна.
Мне достаётся. Ну как мне быть?
А остаётся — её любить.

СТАРОМУ ГУСАРУ

Старому гусару
не годами — опытом,
поднеси-ка чару
можно две, но оптом.

Не кричи под руку мне
ты озерной выпью,
накроши-ка луку мне,
посмотри, как выпью.

Ты чирикни ласточкой,
взгляд потупь лукавишный
и побегай лапочкой
по рояльным клавишам.

Водку я хлебну, любя,
горькую, упругую.
Назову тогда тебя
лучшею супругою

ПОНАЕХАЛ - ПОБЕЖДАЙ!

**На пороге лета,
На Урале где-то
Маленькая Юля
родилась на свет.
Было много света,
Юности и лета,
Но сегодня Юли
На Урале нет.**

**Не боится Юля
Ни огня, ни пули -
Ездит на трамваях,
Мается в метро.
Даже в электричках
Побеждает в стычках,
смелая, умелая,
действует хитро.**

**Утром по маршруткам
В настроеньи жутком
Мыкаются люди,
Видели мы их.
А такси-Газели
Просто оборзели.
Выживет сильнейший,
Юля из таких.**

**Папа на Урале,
Мама на Урале,
Ну а Женя с Юлей
Бьются под Москвой.
Дай вам, бог, удачи,
Ну а как иначе?
Будет День Победы
Радостный и свой!**

СЕСТРЁНКЕ

Когда лучи весеннего восхода
Касаются берёз и тополей,
Она с крыльца выходит к огороду,
И гуси-куры следуют за ней.

Выходит муж, он родом из-под Риги.
Он книголюб и, может, книгочей,
Он любит телевизор, любит книги,
Он книжный сын и больше он ничей.

Потом выходит дочь её — Лариса,
Свежа и обаятельна от сна,
Почти что стюардесса и актриса,
И даже переводчица она.

А где-то за границей сын Володя,
Давно ль под стол ходил крепыш-малыш?
И вроде русский был он по природе,
Но стал теперь как будто бы латыш.

Вот вся семья, ни много и ни мало,
А ты — жена, и бабушка, и мать,
Лелеяла, растила, поднимала,
И в будущем — растить и поднимать.

Но ты была бы просто не Людмилой,
Когда бы о себе забыла вдруг,
Потребность быть весёлою и милой
Тебя влечёт в знакомый круг подруг.

И ты с любовью смотришь на ромашки,
Ты хочешь петь, плясать, гадать, шутить.
И с Зоей Филаретовной рюмашку
Дак после баньки грех не пропустить.

Красавица, спортсменка, массажистка.
— Вас беспокоит остеохондроз?
Давай-ка на кушеточку ложись-ка.
Так массажнёт — забудешь про склероз.

**Зимою солнце ходит как-то ниже,
Но ты опять выходишь на крыльцо,
И сразу же становишься на лыжи,
И снежной пылью брызгаешь в лицо.**

**Пусть этот фейерверк из пыли снежной
Блестит, переливается, летит.
Будь юной, обаятельной и нежной,
Имей такой же сильный аппетит.**

**Любимая и милая сестрёнка,
Пусть бог хранит тебя десятки лет.
А лучше просто б взяли поросёнка,
Ведь с мясом нет ни хлопот и ни бед.**

**Не будем подводить сейчас итоги,
А скажем: «Жизнь! Веди тебя, веди.
Всё впереди: рассветы и дороги,
Всё лучшее, конечно, впереди».**

Я ПОДАРИЮ ТЕБЕ РЕМНЯ!

**Я подарю тебе ремня,
Такие в моде и в Италии,
Дают задора и огня
И улучшают стройность талии.**

**Ремень – поддерживать штаны,
В семье поддерживать порядок,
Привлечь внимание жены,
Чтоб парковалась только рядом.**

**Ничто в России без ремня
Ни развернётся, ни свершится.
Да без ремня нельзя и дня! –
Никто и не закопошиться.**

**Дарите мужикам ремни!
В стране такой раздраз и смута.
Всё упорядочат они,
Всё объяснят они кому-то.**

МАРИКУ

В одну из самых длинных лун,
В морозный паралич
Вещала птица Гамаюн:
«Да будет Марк Ильич»!

В рубашке он на свет возник,
Но, правда, без кальсон,
Судьбы и жизни баловник –
Наш Марик Капельзон.

Любил, учился и мужал
Почти что на скаку,
И остроумия кинжал
Болтался на боку.

Он порох наш и динамит,
Но чаще – он свеча.
И та свеча для всех горит
От Марка Ильича.

И если где-то как-то раз
«Спасите!» - слышен клич,
Он руку помощи подаст,
Поможет Марк Ильич.

Слова «опасно» и «нельзя» -
Мне, честно, нипочём,
Да потому что мы – друзья,
Мы – с Марком Ильичём.

Он бизнес вёл на все лады,
Как птица на сто крыл!
Видяшки, краска и склады,
Он даже крыши крыл.

Каков итог? Итог таков:
У Марика всё есть.
Нашёл родной он в Польше кров,
Где НАТО и ЕЭС.

**Урал, Израиль, наконец,
Всех мест не перечесть.
Жене он – муж. Дитям – отец –
И это тоже есть.**

**Есть жизнь! Что может быть важней?
Живи и планы строй!
Есть жизнь! И ты купайся в ней
До пенсии... второй.**

НОВОСЕЛЬЕ

Мы констатируем де факт
и констатируем де юре.
Чтоб брачный был тесней контакт,
квартиру выделили Юре.

Все сразу стали пить и петь,
когда сгрузили узелочки.
Лишь Стас, скорбя, ушел худеть
и доходить до мёртвой точки.

Квартиры вид был неплохой,
но кое-что пришлось доделать.
И Юра ломом и киркой
работал месяц обалдело.

И вот сегодня все — тип-топ:
есть газ, вода, есть окна, двери,
есть пол, а также потолок,
и туалет давно проверен.

Но прежде скажем, без жены,
конечно, не было б квартиры,
ведь жены наши рождены
нас бичевать бичём сатиры.

И обсатиренные, мы
бежим в парткомы и цехкомы,
и направляем мы умы
на выбиванье благ земных
для жён своих и их знакомых.

Укомплектована сполна
сейчас квартира, и с излишком.
И первый тост: виват жена!
Второй - да здравствуют детишки!

Пусть сеет свет со стенки бра
под крышей выстраданной сени,
пусть жёны наши из ребра,
но пусть своё имеют мнение.

Пусть выбивают нашу лень
и пусть доводят нас до точки.
Пусть здесь царит Татьянин день,
но Юрин — вечер и полночки.

Чтоб червячок любви вас грыз,
и чтоб глаза в ночи сияли,
чтоб койки ваши рвались вдрызг,
и вы их раз в квартал меняли.

Чтоб здесь из каждого угла
ползли недостатки и по многу.
Толпа клопов чтоб не могла
никак найти сюда дорогу.

Пускай приходят женихи,
потом, для выращенных дочек.
Не подлецы чтоб, а тихи,
и чтоб с дипломами и прочим.

Чтобы от песен и друзей
соседи жались по альковам,
чтоб было пиво под язей,
чтоб другом звался участковый.

И чтоб ворюга, убоясь,
очаг ваш мирный не потрогал.
Коль камню суждено упасть,
то чтоб не в голову, а в ногу.

Чтоб стены выдержали всё,
и гости чтоб, держась за стены,
пальто не путали своё
и выходили постепенно.

Но прежде сядем за столом.
За каждый тост — отдельно. Тронем.
Пусть первая идет колом,
потом пойдут, как электроны.

АЭРОФЛОТ

Страны все в уме перебирая, -
есть одна, прекрасна и горда.
Два крыла от края и до края,
посреди – Уральская гряда.
Облака, как белые принцессы,
Водят свой небесный хоровод,
стюардессы снимут ваши стрессы,
если вас везет Аэрофлот.

Припев:

А турбины самолёта вам поют
про уют.
Стюардессы и пилоты тут уют
создают.
И легко бегут, бегут минуты,
кто-то радостно спешит к кому-то.
Так живет Аэрофлот.
Так живет Аэрофлот!

Континенты – это наши крылья,
справа, слева, так уж суждено.
Мы давно в Америку открыли
Так же, как и в Азию, окно.
С нами страны все как будто рядом,
с нами, точно, круглая Земля,
а комфорт, надёжность и порядок –
вот закон команды корабля.

Припев.

И пилоты мягко и умело
совершат посадку в нужный час,
наши люди крепко знают дело,
наши люди – это высший класс!
В небо тянет нас неумолимо,
взлёт, посадка, снова – в облака,
до свиданья, город наш любимый,
до свиданья, встретимся, пока.

Припев.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ДНЁМ ВЛЮБЛЁННЫХ.

Журнал «СВЕЧА» поздравил в клубе «ЭЛЬДОРАДО»
г.Екатеринбурга всех влюблённых.

О, Эльдорадо, радо ль ты тому,
что есть здесь место сексу и уму?
А то, что есть, мы скажем хохоча,
поскольку всех приветствует «Свеча».

О, город наш, ведь ты на букву «Е»,
от этого томление в... челе.
Вон екатеринбурженка идет.
Так действуй, а не стой, как идиёт.

О, женщины с обложки из «Свечи»,
они, как печь зимою, горячи.
А если в топку чуточку поддать —
наступит просто божья благодать.

О, женщины России и Земли,
к Олимпу нас любовному вели.
Вот так залезешь с нею на Олимп,
посмотришь вниз и думаешь: «О, влип!».

Не унижая гордость сексменьшинств,
мы скажем без апломба и старшинств:
Да здравствует родное большинство —
на поле сексуальном торжество.

Сегодня здесь одни большевики —
не те, что лезут на броневики,
а лезут, хоть теши им ихний кол,
на очень слабый и прекрасный пол.

Люля один не может без кебаб,
мужик один не может жить без баб.
А суп-харчо не вкусный без харча.
Не может без эротики «Свеча».

Кругом весна, и признаки «Свечи»
в природе прорастают, хоть кричи.
У цирка встала телекаланча,
стоит и ждёт большого калача.

Летели вертолеты, стрекоча,
надели ей четыре калача.
И даже спичку сильно припекло -
Нашла в зубах прекрасное дупло.

В Китае девки радостно кричат,
поднялся там один миллиард «свечат».
А где-то в Конго, цвета сургуча,
встает еще одна эросвеча.

Лежит кирпич бесполой, одинок,
ну дайте же под зад ему пинок,
чтоб в штабеле потёрся он плечом
с таким, как он, бесполом кирпичом.

А в Мавзолее свежую «Свечу»
приносят по подписке Ильичу.
Был паралич у деда-москвича,
купил «Свечу» — и нет паралича.

Шепчите все друг другу в эту ночь,
Хрипите и кричите, коль не в мочь,
кричите врач врачу и грач грачу:
«Хочу «Свечу». Хочу, хочу, хочу!»

ГАЛИМУЛИНУ

Года мужчине не беда!
Хоть шестьдесят, не важно, сколько.
Ведь для мужчины все года —
одно богатство да и только.

Богатство — это Ваш отдел,
богатство — это Ваши внуки,
богатство — уйма важных дел
для производства и науки.

Войну Вы бравым старшиной
прошли в окопном ратном братстве.
Гордимся мирной тишиной,
а разве это не богатство?

Потом был ВУЗ, потом — завод,
и тридцать лет работы было,
и это дело каждый год
ничуть богатству не вредило.

Ведь каждый месяц был аванс,
и ежемесячно — получка,
а это — тоже верный шанс,
чтоб жить богаче и получше.

И этот шанс Вы сберегли.
Пусть Вам сопутствуют удачи!
Мы рады: Ваши «Жигули»
красиво смотрятся у дачи.

Ведь это всё — за долгий труд,
за честный труд и безупречный.
Внучата ваши пусть растут
в весёлом детстве и беспечном.

Отдел ведёте Вы с нуля.
Ещё тогда, в шестидесятых,
Вы встали мощно у руля,
возглавив горстку лиц с десятков.

**Умны казались «ЭМ-ЭН-семь»
и «ЭМ-Пэ-Тэ», и «Электроны»,
а «Минск-14» совсем
казался сложным и мудрёным.**

**Но группа Ваша вновь и вновь
учила их, мечту лелея.
Потом явился Иванов,
и стало всё же веселее.**

**Сейчас отдел — на зависть всем!
Крупней не сыщете вы, честно.
Мы выкинули ЭВМ,
а всё равно в отделе тесно.**

**А если честно до конца,
спасибо Вам за всю заботу,
ведь в роли крёстного отца
Вы научили нас работать.**

**Работать оставайтесь здесь —
Мы Вас об этом сильно просим.
И если да — наш сектор весь
курить на сто процентов бросит.**

**Мы пожелаем Вам добра,
и долголетнего здоровья.
Пусть Ваша жизнь течёт — бодра,
окружена большой любовью.**

Полсотни пять — не двадцать пять,
но нет причины унывать,
в сто лет грузины чачу самогонят.
Иван Андреич Шевырёв —
он из воронежских краёв,
а их, известно, чёрта с два догонишь.

Шофёр — не даром высший класс,
не зря родной завод пластмасс
дал «Жигули» — конечно, по заслугам.
А долг отдать — так ерунда,
Иван из тех, кто никогда
ни куреву, ни водке не был другом.

Родные Нина и Иван!
Здоровья мы желаем вам.
Пусть все невзгоды будут перетёрты!
Сын — каратист, студент УПИ,
пусть в дом несёт не синяки —
стипендию и круглые пятёрки.

Пусть за столом — не за рулём,
своя специфика во всём.
Но там и тут газку поддать охота.
Но там и тут нужна узда —
безаварийна та езда,
когда сбавляешь газ на поворотах.

К 8 МАРТА

**В этот день весну встречаем,
чаша будет пусть полна!
Но налей туда не чая,
а шампанского вина.**

**Пей вино — оно полезней.
Будь готов? — Всегда готов!
Меньше нервов и болезней,
больше фруктов и цветов.**

**В мае девки больно бойки —
раззадорила весна,
лупят взглядом дальнобойным
шибче всякого вина.**

**Если ты родился в мае,
взглядов этих берегись,
ведь поймают и замают
и на всю испортят жизнь.**

**Берегись шальной молодки!
В день рожденья лучше пей.
Лучше ты глупей от водки,
а от девки не глупей.**

Нет на свете имени
лучше, чем Наталия.
Нет на свете отчества
лучше, чем Евгеньевна.
Если же в глазах её —
небеса Италии,
значит, эта женщина —
идеал творения.

Если эта женщина —
вот с таким орнаментом,
нужен муж, конечно, ей
с южным темпераментом.
И подруги ей нужны
очень интересные.
Дети обязательны —
двое и чудесные.

Если эта женщина
вот с такими данными,
должен муж всё в дом носить
просто чемоданами.
Чтоб наполнить жизнь её
лучезарной чашею,
чтоб вино и стол с едой —
нашей и не нашею.

Дать бы этой женщине
дело бы любимое —
увлечение музыкой
непоколебимое.
И чтоб только красили
годики-проказники,
и нужна начальница,
и цветы — по праздникам.

**Если в жизни женщины
всё укомплектовано,
и не это — счастье,
то, позвольте, кто оно?
Всё, что перечислено,
есть под этой кровлею.
Остаётся женщине
пожелать здоровья!**

ЖУРНАЛИСТКЕ

**В газете «За прогресс»
твой творческий процесс
летит весенней птицей.
Десяток интервью
вот-вот гнездо совьют
в больших передовицах.**

**А что до репортажей —
не сосчитать их даже:
в газете — как в копилке.
Сатире не чета
душевная черта
твоих героев пылких.**

**И мастерица очерков:
от женственного почерка
звенят, как струны, строчки.
И украшаешь внешностью,
литературной нежностью
редакцию ты прочно.**

**Хотим мы пожелать:
так дальше курс держать!
Ты прогрессируй быстро.
И чувствуем — не ложь,
что в «Правду» ты войдёшь
отличным журналистом.**

Т Ё Щ Е

Ирина Александровна,
сегодня все оправданно —
и лёгкое волнение, и шутки, и вино.
Но перед поздравлением
без преувеличения
припомним, как всё было
не так уж и давно.

Когда над нашим городом,
красивое и гордое,
взошло и засияло созвездие Весов,
в поселке Новоталица,
который разрастается,
раздался вдруг знакомый,
но детский голосок.

Немного лет терпения —
и вот не крик, а пение
над Талицей летит.
Заходит мать в квартиру,
а вместо дочки Иры
«Ушла на фронт» - записка
на столике лежит.

Военные дороги...
В Берлине голос строгий
сказал: «Победа, Гитлеру капут».
Затем под ручку с Женею,
он здесь, на дне рождения,
в Первоуральск поехали
на мирный славный труд.

Пока вы с ним трудились,
детишки родились:
Наташенька и Юрочка —
два милых удальца.
Очнуться не успели —
уж внуки в колыбели,
а тут и зять с котомками
дежурит у крыльца.

**Всё это подытожив,
одно сказать мы можем:
что жизнь идет нормально,
так дальше курс держать.
Все прошлое — прекрасно,
а будущего ясного,
Ирина Александровна,
позвольте пожелать.**

ЕЩЁ ТЁЩЕ

**Нет сейчас важнее темы,
чем стихи о дне рожденья.
Вот, примите хризантемы
в знак любви и уваженья.**

**Вы не знаете простоя,
бодрость вам не занимать.
Совместительство крутое —
сразу бабушка и мать.**

**На ногах вы с самой рани
меж хозяйством и семьёй,
Вы быстрее быстрой лани
меж Свердловском и Сенной.**

**Надо нам объединиться
в южном, может быть, краю,
ну, а может быть, в столице,
вместе б жили как в раю.**

**С преогромным вдохновеньем
пожелать я вам готов
меньше нервов и давленья,
больше фруктов и цветов!**

**Рука редактора крепка и волосата,
а лоб — крутой, как склон Медведь-горы.
Затяжки сигаретные — пассаты,
а выдохи — табачные дары.**

**Плохие матерьялы он, как грейдер,
выравнивает, гладит, как каток.
Спешит он на собрания и рейды,
и в курсе дел Главснаба — как никто.**

**Но правит он не только матерьялы,
он главком правит всем через печать.
И ряд руководителей нерьяных
готовы с перепугу закричать.**

**Остры, как нож, газетные заметки,
изящность в них и в то же время — вес.
Всё держится на опыте и сметке
редактора газеты «За прогресс».**

**Газета может резво, ярко, шибко
события и факты передать.
А редкие и мелкие ошибки —
как прыщ на ягодице — не видать.**

**Поздравить с днём рождения не сложно,
сложнее — пожелать, но только так,
чтоб сбылось даже то, что невозможно,
и все проблемы сморщились в пустяк.**

Добавим от души: — Да будет так!

Б А С К Е Т Б О Л (Женская команда УГМК, талисман – лиса)

**И замер зал, затих -
бросок последний дальний.
и тихо мяч парит
под куполом дворца.
И время истекло,
звучит свисток финальный.
Трибуны заревут,
и выскочат сердца.**

Припев:

**УГМК – победа!
УГМК – вперёд!
Лиса идёт
по следу
и шансов не даёт.
 УГМК – девчонки!
 Сверкает лисья медь.
 И звонко, звонко, звонко
 ей золотом звенеть.**

**И вот опять бросок,
и вот опять неясно,
судьба на волоске
от этого броска.
Но жажда победить
безумна и прекрасна,
она сильнее у нас,
у нас – УГМК.**

Припев.

**Вся наша жизнь – игра,
но тренер не согласен:
игра – вся наша жизнь!
И это – на века.
Соперник наш силен
и, может быть, опасен,
но это только плюс.
Ура – УГМК!**

R I G A

Вот, ребята, из группы четвёртой я,
Но отвечу за курс и потоки я,
И сегодня – мы гвардия тёртая,
Мы везде – от Торонто до Токио.

А пошла с Кенгарагса история,
Для студентов – волшебная, странная –
Мы вселились в квартиры, которые
Все с удобствами были и ванными.

Так и шли бы под сказочным парусом,
Но потом оказались в спортзале мы,
Из удобства – кровати в два яруса,
Поживите немного, сказали нам.

Через год... дали нам общежитие,
Всё наладилось и устаканилось,
Зажилось нам, как небожителям –
Заклопилось и затараканилось.

Мы бежали быстрее троллейбуса
К первой паре (ни чая, ни кренделя)
Не от тяги к Эйнштейну и Лейбницу,
А от страха, что снимут стипендию.

Мы корпели тогда над эпюрами,
Но сегодня другое поветрие:
Например, чемоданы с купюрами,
Наяву! – а не в аксонометрии.

Высшей карой была математика,
Отчисляли нас, как отработанных.
Мама Жвирблис, ты мать или мачеха?
Может, мстила она за кого-то нам?

21-я «Волга» у Лефтова,
И квартира, наверное, в кафеле.
Кто-то двинул по этому вектору,
Но сбежал от зарплаты на кафедре.

На военку ходили патлатыми,
Помню я, Литвиненко и Ахеро.
- Вас пошлю я в атаку солдатами, -
И послал их майор... к парикмахеру.

Лагеря возле Тарту в Эстонии:
«День прошёл – да и ну его, на... его».
Но и здесь мы попали в историю,
Мы служили Джохару Дудаеву.

Да за это гражданство латвийское
Вы получите незамедлительно,
Не забудьте прибавить приписку там,
Что ему же служили родители.

Не кичились своими шинелями,
И в битловках ходили, как битлы мы,
Перед Вангами, Ингами, Нелями
Никогда не бывали побитыми.

«Аэлита» нещадно поила нас
Чаем с бромом для успокоения.
Бром подействовал только сейчас,
Да и то, лишь поднял... настроение.

Подвергались оценки коррекции,
Если были конспекты без лекции,
Иногда пропускали мы лекции
По причине внезапной эрекции.

Мы дружили с Ядвигами, Лидами,
И делились мы с ними либидами.
Почему-то потом мамы с Лидами
В деканат приходили с обидами.

В результате такой комбинации,
Тут людей родилось на пол нации -
Живота не жалея, фактически,
Всё решили мы демографически.

Будем мы благодарны до старости
Деканату, куратору, старосте.
Обнимаем мы до вожделения
Командиров взводов, отделений.

Благодарны и снова, и снова мы
Прямо скажем, отцу - Цыганову мы.
И спасибо декану Любимову,
Навсегда, всенародно любимому,

Что диплом получили без пенделя!
И финчасти – поклон за стипендию.
И хозчасти – за форму и чоботы,
Без фуражки с кокардой – да чё бы ты?!

Благодарны красавице Риге мы,
Жизнь учили по ней, не по книге мы.
Бастионке спасибо отдельное,
Коменданту – за счастье постельное.

...Эй, ребята, у моря у Белого,
Всем привет от весёлой компании.
И – Шамраю в Сочах загорелому,
И тому, кто живёт в Пенсильвании.

Передайте канадскому Вацлаву,
В просторечье – Валере Бачинскому, -
Ты ручонками деньги там мацаешь?
Почему не читаешь Белинского?

Мы и здесь, и везде, и повсюду мы,
Друг для друга мы будем ребятами,
Каждый здесь со своими причудами,
Но все вместе мы – племя крылатое.

Владимир Холодок, кликуха – «Федя»

КОРПОРАТИВ.

**Мы коллеги, мы коллеги,
Как колеса у телеги.
Будем мы крутиться дружно.
Так и надо! Так и нужно!**

**КВАДРАТНЫЙ ЮБИЛЕЙ.
ЕСЛИ ВАМ 44.**

**Лелей квадратный юбилей!
И я лелею.
И лей мне на уши елей
В честь юбилея.**

**Со всех лесов, со всех полей
поют мне птицы
про отложение солей
у поясницы.**

**Про мой квадратный юбилей
бараны блеют,
И станет на сердце теплей
от юбилея.**

**Я никогда не шел в обком,
я шел обратно.
Ведь я родился колобком,
причем квадратным.**

**Про мой квадратный юбилей
ходили слухи.
И вот свершилось: пей и лей
за обе уши!**

С Л У Ж Е Б Н А Я П О Д Р У Г А

(8 М А Р Т А)

Опять мороз и вьюга,
И всё занесено.
Служебная подруга,
Налей в бокал вино.

Опять 8-е Марта
В кругу знакомых лиц,
И сердце, как на карту,
Мы ставим на девиц.

Традиция прекрасна,
И дамы хороши.
На улице на Ясной
Кружит метель души.

Служебная подруга!
О, как прекрасен взгляд!
Не можем друг без друга,
Ты рада, и я рад.

Мужские коллективы
на Севере скорбят,
без дел презервативы
в карманах у ребят.

А тут легко и просто,
Ты только позови.
Цвети, служебный остров
Работы и любви.

Один мужик – не дело,
Да будь он хоть каков.
Там радуется тело,
Где стадо мужиков.

Сегодня это стадо
Лежит у ваших ног.
А так им всем и надо.
И да хранит вас Бог!

ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ

Вот он идет, чеканит шаг,
русобородый.
Рабочий конь, но не ишак —
Нижегородов.

Его трудом наш дайджест был
сверхактуален.
А будет скоро, видит бог,
сверхсексуален.

Взойдет его «ЭроСвеча»
над всем народом,
и ахнут все, и скажут все:
Нижегородов!

И в женщинах заголосит
сама природа:
— Ну, покажи нам Секс-Свечу,
Нижегородов!

Потом, возможно, будет всё,
возможно, роды.
Отцом народов может стать
Нижегородов.

Пред ним леса пригнутся ниц
и огороды.
Гроза всех женщин и девиц —
Нижегородов.

Пусть будет меньше на пути
твоем уродов.
Так наливайся и цвети,
Нижегородов!

ГЛАВНОМУ БУХГАЛТЕРУ

**Кто наши финансы и денежки наши
Хранит и считает умело?
Ни Таня, ни Света, ни Лена, ни Маша,
Все делает это Нинелла.**

**Пусть деньги, как листья, на счёт — чудеса-то!
От разных кружат адресатов:
Свердловск и Каховка, Босфор, Дарданеллы —
Их все сосчитает Нинелла!**

**Желаем, чтоб стул под тобой не ломался,
А стол — от закусок ломился:
Смирнофф и Мартини, икра, сардинеллы
Пусть будут всегда у Нинеллы!**

**Пусть будет большое семейное счастье,
Здоровье, машины, запчасти.
Чтоб ты не худела и ты не полнела,
Нинелла! Нинелла! Нинелла!**

Ах, Нелли!

**А в мае сады зеленели,
И все от любви сатанели.**

**Мужчины в солдатских шинелях
Мечтали о маленьких Нелях.**

**И в запахах хмели-сунели
Шептали деревья: «Ах, Нелли!»**

**А Нелли идет по панели
И взглядом, подобным шрапнели,**

**Сбивает мужчин наповалку,
Они уползают на свалку.**

**Купаясь в рифмах о Нелли,
Мы врезаться в рифы сумели.**

**Короче:
Как запах французской Шанели,
Пришла к нам сотрудничать Нелли.**

**Лена, Лена, Леночка,
Молочко и пеночка,
Загнанный компьютер
Слёзы льёт из глаз.
Леночка так круто
Пользует компьютеры:
Технике японской
Далеко до нас.**

**Мягка, не строптива,
Член ты коллектива.
Мы тебе, Елена,
Не дадим уйти.
Что такое, Лена,
Коллектив без члена?
Шутка, понимаем.
Больше не шути.**

**Лена, Лена, Лена
Вся как из кримплена,
Вся из крепдешина
И из шёлка вся.
Дача и машина,
Любящий мужчина
И, конечно, дочка —
Дружная семья.**

**Лена, Лена, Лена —
Стройные колена.
Мужики, конечно,
Бьются о порог.
Вот бы мне, Елена,
Вырваться из плена —
Я бы, как полено,
Лёг у Ваших ног.**

**Лена, Лена, Лена —
Ароматы сена,
Мелкие копёшки
В призрачной тиши.
В жизни перемены,
Звезды во вселенной —
Всё тебе, Елена,
Дарим от души.**

**В стране везде в разгаре посевная,
А Лёша собирает урожай.
Отсеялся задолго он до мая,
Сказал жене, давай, иди рожай.**

**И вот родили дочь, ну просто деву!
Вес три сёмсот, полметра рост, как смочь?
Так это в старых ценах, до посева,
А в нынешних — поболее Лёши дочь.**

**И вижу я: лет через двадцать этак,
Идет, голубоглаза и стройна,
Мечта и рэкетира и поэта,
Заходит в фирму «Зеркало» она.**

**Бухгалтер ли, редактор ли отдела,
Красивая фигурой и лицом,
Садится в кресло, продолжая дело,
Которое взлелеяно отцом.**

**Но это всё потом, а в этом мае
Мы скажем Лёше: «Лёша, так держать!
По всей стране шагает посевная.
Пора уж сына сеять и рожать».**

Когда к нам Палыч тихо входит в двери,
Становится светло, но от чего?
И я кричу, как Станиславский: «Верю!»,
Подкупленный улыбкою его.

В нем бьется жилка чисто человечесья,
И светит обаянья тихий круг.
И если вам он нанесёт увечье,
Вы скажете: «Спасибо, милый друг!».

Он в нашем мире странном и туманном
Способен принести большой успех,
Работая снабженцем-талисманом,
Он может объегорить вся и всех.

Стараясь и работая до пота,
Снабженческие сложные пути:
О фирме и себе — его забота,
Себя забыть — не поле перейти.

Как нам нужны снабженцы и банкиры,
Чтоб помыслы их чисты и легки.
Ведь нам нужней, чем доллары и лиры,
Простые, коренные мужики.

Живи, наш друг! Работай и влюбляйся,
От жизни никогда не уставай,
А если согрешишь, тогда покайся,
Покаялся — и дальше продолжай.

**Как ныне собирается вещий Олег,
Потомок Олегов державных.
Он первый на сбыте у нас человек,
И брокеров нет ему равных.**

**Он брокер и телом, он брокер душой,
Он брокер лицом и сиделкой.
А лоб озабоченный, очень большой,
Охваченный выгодной сделкой.**

**Смотрите, завидуйте — это же он,
Мы любим такого коллегу,
Желаем «зелёных» ему миллион,
И лучших из женщин — Олегу.**

Любимец женщин, кошек и собак,
Как зверь большой он, добрый и спокойный.
Его б послом в Нагорный Карабах,
Он им разрегулировал бы войны.

Любимец музыкантов и детей,
Как Ленин, им дает с руки конфеты,
А женщин из артисток всех мастей
Вручную нежно носит на банкетах.

Любимец многих близких и родных,
Которые, бывает, умирают.
Пока родных хоронит он одних,
Других родных всё больше прибывает.

В Москве всегда ночует он у тётки,
Неплохо, если много дядь и тёть,
А по утрам Успенский на "Тойоте"
Валеру на вокзалы подаёт.

Любимец он и фауны и флоры,
А лучше флора в виде огурца.
Любимец дочерей, супруги Лоры,
Любимец водки, пива и винца.

Кого любимец он, того он и любитель —
Любитель женщин, кошек и собак,
Любитель огурца и потребитель
Колбас, и помидор, и кулебяк.

Любимец наш, любимец и любитель!
Пусть будет жизнь твоя полным полна:
Собаками, детьми полна обитель,
Душа полна любви, полна тепла.

ЗАВСТОЛОВОЙ

**В голодной и разрушенной стране,
Пропитанной путчистами и склокой,
Есть место, где тепло и сытно мне,
Где подадут котлету, кофе, коко.**

**Заведует уютом для людей
Там женщина одна со статным ростом.
От встречи с ней, да, сумки тяжелей,
Зато на сердце так легко и просто.**

**И на раздаче денег нам не жаль,
Когда, как солнце, в зал заходит фея,
Лучи улыбки, голос, как рояль,
Звучит, волнует, утешает, греет.**

**Весёлый нрав ее, девиз: долой покой,
Энергия её развеют скуку,
А если взгляд с лукавинкой такой,
То знаем мы: идёт завозка лука.**

**И верю я, наступит рай земной,
И в жизни нашей будет меньше трещин.
Побольше б фей с такою добротой,
Побольше бы таких прекрасных женщин!**

ТАТЬЯНЕ МИХАЙЛОВНЕ, ЛЮБИМОМУ ИЗДАТЕЛЮ

Вся ладная, упругая
и очень энергичная.
И у неё заказчики,
конечно, симпатичные.

В неё влюбился прочно я
при первом посещении,
но очень замороченный
сидел я в помещении.

Шмуцтитолов не ведая,—
росли мы самоучками,—
я с ней сижу беседую,
а сам как нолик с ручками.

На раны сыплет соли мне,
мне даже не хохочется.
— Одна восьмая доля вам.
— Но мне всю долю хочется!

Куплю ей всё, хоть самолет.
На юг возьму в тусовку я,
я влипну с нею в переплет,
но в твёрдый, с припрессовкою.

Я б разлюбил её сейчас —
всё сердце исковеркала,
но дети общие у нас —
шалят «Свеча» и «Зеркало».

А от «Свечи», хоть закричи,
ещё детей прибавится.
И у «Свечи», как у печи,
народец позабавится.

Что наша жизнь? — игра! И что ж?
Играй, играй, тальяночка?
Неправда это, это ложь!
Вся наша жизнь — Татьяночка!

* * *

Пьеру Нарциссу Мукуту.

- «Да я забыла про муку-то!
Про всё забыла я от песни.»
Вот так поёт Нарцисс Мукуту
Про всё забудешь, хоть ты тресни!

* * *

Андрею Васильеву, конференсье

Пусть рапортички — косяком,
а гонорары — градом.
Читай, Андрюша, «Босиком»,
ведь мне машину надо.

* * *

Юрию Харченко, артисту

Когда бы ты читал «Нюхач»,
то мне хватало бы на харч.

* * *

Ефиму Шифрину, артисту

Я верю, Фима будет
звездой эстрады цвезть,
когда такие книги
в стране советской есть.

* * *

А. Короткову, сторожу автостоянки.

Были мы с тобой коллеги,
как колеса у телеги,
и всегда крутились дружно.
Так и надо! Так и нужно!

* * *

Р. Шипулину, редактору

Сейчас пишу во всю я прыть —
печатать успевайте.
Вам удалось меня открыть,
прошу — не закрывайте!

* * *

Г. Дробизу, писателю

И учителю, и мэтру
от меня — от сантимэтру.

* * *

Лене Гончаровой, редактору

Жизнь нас увечила,
жизнь нас коверкала,
было ведь «Вече»,
а стало вот «Зеркало».
Но не беда, будет время пасхальное,
ведь голова ты, причем гениальная.

* * *

Саше Штыкову, пилоту-водителю

Серов — Свердловск, дожди и ветры,
но мы — с тобой, дружище.
Несутся тыщи километров
под жигулевским днищем.

* * *

А. Панову, редактору и портному

Шьёшь и пишешь — строчки, строчки:
джинсы, очерки, сорочки.
Ты газету — за атланта —
держишь гранями таланта.

* * *

Алле и Марику

Дарю я Марику и Алле —
что сочинил когда-то.
Эх, больше было б на Урале
таких, как вы, ребята!

* * *

Алле Василенко

Королеве службы связи!
Перед всеми вы, как Бог.
На коленях даже князи.
Вот и я — у Ваших ног.

* * *

Сурену.

Сколько дач, бассейнов и домов
Ты возвёл на радость москвичам.
Ты достоин самых лучших слов!
Танцевать теперь достоин сам.

* * *

Александру Вулых.

Дай же, Боже, ты поэту
В день хотя б одну котлету.
Но котлету от кутюр —
Всю из денежных купюр!

ЧАСТЬ II

ЗАКОЛДОВАННЫЕ ПЕСНИ

ДО МОСКВЫ

Седая карусель,
метёт метель, метель,
и с крыш бросает тюлевые шторы.
И тонет мир в снегу,
и кони набегу,
и замки, и волшебные заборы.

А что же там Москва?
Там всё, как дважды два,
там три кита пылятся под ногами,
она на них стоит
и манит, как магнит,
политикой и славой, и деньгами.

Привет:

Помогите мне добраться до Москвы.
Без меня она немножечко другая,
может так же держат линии мосты,
но одно такси пустое пробегает.
Помогите стать Москве опять Москвой,
вы меня туда быстрее заберите,
посмотрите, по осенней мостовой
Мастер движется навстречу Маргарите.

Закончилась метель,
уже идёт апрель,
стоит весна, от запахов неменя.
Но я в Москве – ни дня,
и держат тут меня
заботливые цепи Гименея.

И всё дела, дела
нагреты до бела,
и сдавлены до плазмы все пространства.
Я вырвусь или нет,
но есть один ответ:
любовь всегда сильнее постоянства.

Припев.

**А год прошёл на треть,
давно пора лететь,
меня Москва забудет и не примет.
И вот уже лечу,
забыв, чего хочу,
и что важней: погода или климат.**

**На что же уповать?
так вечно тосковать
и жить меж городами в самолёте?
Ведь я уже в Москве,
но мысли в голове,
все мысли об обратном перелёте.**

Припев.

С Н Е Г

А снег опять летит печально,
даря покой.

Я, как судьбу, его случайно
ловлю рукой.

Ведь наши слёзы, высыхая,
уходят ввысь,
а сверху вновь летит земная
судьба и жизнь.

Припев:

Снег играет с моею судьбой
и меня он зовёт за собой,
он не знает границ,
он на тысячах лиц,
он стекает с пушистых ресниц.
Это значит, я с вами сейчас,
я лечу перед сотнями глаз.
И лечу я для вас,
и живу я для вас,
и пою я для вас.

И кружат от земли до неба
снега в судьбе.
Из пелены пробиться мне бы
опять к тебе.
И я летаю над землёю,
нашла твой дом,
не снег, а я перед тобою,
я – за окном.

Припев.

Ладонь протягиваю снегу,
и он ручной,
садится тихо и бесследно –
весь мир со мной.
Судьба моя в ладони тает,
но я смеюсь,
обратно вверх её бросаю,
за ней стремлюсь.

Припев.

БАБОЧКА

Осень крадётся лисьей походкой,
лишь ухмыльнётся тёплой погодкой.
Тут же наводит лисьи порядки:
рыжие листья, рыжие грядки.

Хитрые глазки, мордочка лисья:
падают листья, падают листья.
И нарисует хитрый художник:
капает дождик, капает дождик.

Припев:

А лето, лето тает на лету.
И бабочка последняя летает,
не зная про последнюю черту,
и в облаках, как девочка, витает.
 А осень, осень бабочку несёт,
 и песенка полёта не допета,
 но только чудо бабочку спасёт
 в неравной схватке осени и лета.

В тучи одето солнце босое.
Радуга лета смыта росой.
В снеге пушистом мордочка лисья,
снегом покрыты рыжие листья.

Где же ты, осень? Снежная крошка.
Только по снегу – лисья дорожка.
А на опушке прямо под снегом
бабочке снится летнее небо.

Припев.

РОМАНС ВОСХОДА

Ну что-нибудь сыграй - ка мне, любимый,
чтоб музыка звенела, как роса,
а в капельках дрожал неизмеримый
весь мир и мы с тобой, и небеса.
Сыграй мне, чтобы звёзды замирали,
а время затаилось на часах,
чтоб в Вечности бы мы не умирали,
аплыли в небе в алых парусах.

Припев:

Ты мой будущий любимый,
изумительный, но мнимый,
мне играй!
Играй!
Играй!
Я тебя так ясно вижу,
я тебя прекрасно слышу.
Я иду!
Ты встречай!

Сыграй же мне торжественно-красиво,
отдай прохладным клавишам тепло,
в руках твоих божественная сила
поведает, что вдруг произошло.
И вот уже обиды позабыты,
хотя у незнакомых нет обид,
когда любовь и музыка повиты,
они растопят камень и гранит.

Припев.

Сыграй же мне о будущем и светлом
и подари рассвет на берегу,
чтоб луч зари оранжевый тем летом
горел, как поцелуй любимых губ.
Чтоб сразу опостылела свобода,
а золотой церковный куполок
залился светом и романс восхода
венчальным звоном повторить бы мог.

Припев.

К Р Ы М

Плоский камень называется “рояль”-
дикий пляж.

В этом камне есть и радость и печаль,
камень наш.

Но задела ты руками камень тот,
камень твёрд.

И мотив поплыл над нами, септ-аккорд,
септ-аккорд.

Припев:

Ездили прибалты
только в Ялту,
только в Ялту,
только в Ялту.

Москвичи и киевляне,
питерцы и все славяне
обожают Крым!

А для музыканта
всё едино:
хоть рояль,
хоть пианино.

А когда подруга с юга,
зазвучит и каменяга,
если это Крым.

Пузырьки ночного моря – все с луной,
все с луной.

Ты боролась и резвилась то с волной,
то со мной.

А с горы Ай-Петри виден шар земной,
рай земной,

А по морю вдруг прошлёпал водяной,
он смешной.

Припев.

ПИСЬМО ОТ ПАПЫ

**К нам идут газеты и журналы,
я не выхожу из интернета,
только что-то этого мне мало,
жду письмо от папы я всё лето.
Папа наш, конечно, всех умнее,
он письмо напишет в две минуты.
Очень быстро он писать умеет,
но письма не пишет почему-то.**

Припев:

**Солнца из-за тучи нет и нет,
дождик детства капай.
Мама, не выписывай газет,
выпиши письмо от папы.**

**Я сижу тоскую над “Мурзилкой”,
что-то мне с “Мурзилкой” не до шуток.
Лучше с папой в лес пойти с корзинкой,
там в лесу грибы, как парашюты.
Папа не забыл, конечно, дочку,
в том не сомневаюсь я ни грамма.
просто я сама пойду на почту,
выпишу от папы телеграмму.**

Припев.

ОДУВАНЧИК

Припев:

Одуванчик, одуванчик,
Прилетел на мой диванчик,
Он пушистый, белоснежный
Опустился на ладонь.
Это мой любимый мальчик
Намекнул на наш романчик,
Наш романчик очень нежный –
Ни задень его, ни тронь.

Мальчик мой, по секрету –
сын банкира-отца,
и на песенку эту
я ловлю на живца.
Вот и тема сквозная,
Вот об этом и речь.
Сын влюбился, я знаю,
Но отцу – не перечь.

Припев.

И кривые улыбки
Над моей простотой,
Не видать тебе рыбки,
Рыбки той золотой.
Но мелодию песни
Услыхал и отец,
Нету песни прелестней,
Он сказал, молодец!

Припев.

Все согласны на свадьбу,
Тут и песне конец,
И пошла я с любимым
Под венец, под венец.
Только песня осталась,
Кончен свадебный пир,
Как потом оказалось,
Был отец не банкир.

Припев.

ОФИС В ПОДВАЛЕ

Кто бизнес начинал с подвала,
тот деньги делал, как стихи,
на кризис наплевал, бывало,
сухим вылезал из стихий.

Романтика капитализма
и с девушкой шальной роман,
как лучик света через призму –
распался в радужный туман.

Припев:

Кто так когда-то начинал,
тот знает про любовь и “нал”...
Маленький офис в подвале.
И засыпая при свече,
щекочет локон на плече,
милая девушка Валя.

Конечно, проза – это бизнес,
сначала я писал рассказ:
герой легко шагал по жизни
и богател из раза в раз.

В него я перевоплощался,
был автором безумных схем,
я с жизнью, как и он, прощался,
но богател на зависть всем.

Припев.

Ах, милые мешки с деньгами:
пятёрки, тройки и рубли,
делили на полу ногами,
зарплату в рюкзаках несли.

Ах, эти денежные массы,
как романтичны в первый раз.
Теперь кусочек из пластмассы –
купюру банкомат подаст.

Припев.

**Теперь мой офис выше крыши,
а вместо “нала” – интернет,
и у плеча никто не дышит,
в затылок дышит целый свет.**

**Сижу, как идол, в кабинете,
я женщин век не целовал,
я прыгну из окна на ветер
и в прошлое вернусь в подвал.**

Привет.

М А М А

Домик у озера,
кружечка козьего
молока.
Чистая спальенка,
белые в валенках
облака.

Красные полосы
из гладиолусов
во дворе.
Ёлочки рослые,
“зайчики” росные
на траве.

Припев:

Это ты мне, мама, подарила,
чистотой и сердцем покорила.
И благословила, не спеша,
и хранит меня твоя душа.
 На земле и в небе веет вьюга,
 наши души чувствуют друг друга.
 Но живёт одна в небесной мгле,
 а другая ходит по земле.

Рано вставала ты,
всё отдавала ты
для меня.
Радуги яркие
дугами – арками
вдаль манят.

Дали далёкие.
сны одинокие,
ветер, мгла.
Выжить и выстоять,
песнями чистыми
помогла.

Припев.

У Р А Л

Страны все в уме перебирая -
есть одна, прекрасна и горда.
Два крыла – от края и до края,
посреди – Уральская гряда.
Нас несёт серебряная птица,
облака расходятся вокруг,
здесь встречаются дружеские лица,
и столица Екатеринбург.

Привет:

А кораллы на Урале не растут,
ну, никак.
Самоцветы, изумруды – тут как тут,
только так.
Над горами только эхо - птица
так летает, что никак не спится,
как же так, как же так.

Континенты – это наши крылья,
справа, слева – так уж суждено.
Дружелюбно мы давно открыли
из Европы в Азию окно.
Ничего не просят на Урале,
создаём всё сами – только так!
На щите страны мы отковали
высшей пробы наш товарный знак.

Привет.

Это всё – не просто ради денег,
это деньги – просто ради нас.
Для страны решим любое дело,
наши люди - это высший класс.
На пределе сердце, ум и нервы,
и металл клокочет, будто кровь,
наш Урал – он был и будет первый,
как когда-то первая любовь.

Привет.

Л Ю Б О В Ь

Вечный младенец и бабка – Вселенная
нянчит свою гениальную дочь –
тёплую Землю благословенную,
наглых комет отгоняет всю ночь.
Крошкой – Галактикой правят извечные
силы законов движения тел.
Звёзды - солдатики тропами млечными
ищут нехитростный звёздный удел.

Припев:

Любовь!
Она такая неземная.
Любовь!
О ней я знаю и не знаю.
Любовь!
Она приходит и уходит,
по сердцу путь её проходит.
Любовь! Любовь! Любовь!

Тропы небесные где-то вливаются
в улочки наших земных городов.
Этими тропами к нам опускается
наша любовь из далёких миров.
Верность и Нежность почётными слугами
ждали подругу, и чудо сбылось –
вот она встала на Землю упругую,
звёздную пыль уронила с волос.

Припев.

Улочка наша с медовыми липами,
здесь мы любовь повстречали с тобой,
здесь мы, обычные, стали великими,
первая радость и первая боль.
...Годы мелькают, кораблик качается,
нам не хватает ни смеха, ни слёз.
А у любви никогда не кончается
вечный огонь неизведанных звёзд.

Припев.

НА БЕРЕГУ АРБАТА

На диване в уголке
я лежу неплохо,
а в зеркальном потолке
движется эпоха.
От машин – огней поток
и неон Арбата
отражает потолок
искренне и свято.

Припев:

По потолку бегут огни
в погоне за огнями,
так пробегают наши дни
очередными днями.
И бесконечный этот свет
рекой течёт куда-то.
Любовь покорно ждёт ответ
на берегу Арбата.

Вижу я твои черты
в разноцветной гамме,
в потолке весь мир и ты
были вверх ногами.
Ко всему готовым быть,
видимо, придётся,
если женщину любить –
мир перевернётся.

Припев.

В отраженьи эта страсть -
понеслась, родная!
Больно б только не упасть,
упадём, я знаю.
Дни помчались кувырком
в дикой круговерти,
началась под потолком
жизнь... на грани смерти.

Припев.

К О Р О Л Е В А Л Ю Б В И

Упали тени на сирени,
а от сирени – на меня,
а из твоих сомнений тени
легли на акварели дня.
Не сомневайся, золотая,
одну тебя люблю!
Я о тебе мечтаю, таю,
себя в тебе я растворю.

Припев:

Я подарю тебе лето,
лето безумной любви,
три сумасшедших куплета
сразу на ноты легли.
Я подарю для припева
волны и справа, и слева,
истинно ты – королева,
ты – королева Земли,
ты – королева Любви.

У пальмы – ты, я – у сирени,
стоим, о глупостях скорбя,
я заклинаю на коленях,
люблю тебя, одну тебя!
Песком засыпали печаль мы,
к тебе одной иду,
растут сиреневые пальмы
в моём оранжевом саду.

Припев.

Л И Л И Я

**К ногам Христа Спасителя
упали две звезды,
у Ангела Хранителя
просили я и ты.
У Ангела Хранителя
просили и молили мы,
а Храм Христа Спасителя
в реке качался лилией.**

Припев:

**А погадайте-ка на лилии
на ту любовь, что запросили вы,
возьмите лилию за талию –
над лепестками пошептали ли?
А лепестки в реке качаются,
а у цветка, боюсь, кончаются,
и о любви вопросы вечные
плывут по речке быстротечные.**

**А лик Христа Спасителя
высоко в облаках,
он Ангела Хранителя
качает на руках.
- Да сами вы хранители,
и сами вы спасители,
любовь свою носите вы,
носите на руках.**

Припев.

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ПАРК

Поверить в тишину и удивиться.
Спешить и суетиться не к лицу.
Бушует где-то близко гул столицы,
а в этом парке тихо, как в лесу.
Тут белка озорная в миг утешит
нечаянно возникшую печаль –
возьмёт с руки обещанный орешек,
мелькнёт по ёлке рыжая спираль.

Припев:

Московский Измайловский парк,
над озером утренний пар,
А ранняя птичья молва
тебя воспевает, Москва.

Взмахнула покрывалами прохлада,
и рябью строк подёрнулась вода,
как летопись далёкого уклада,
когда была Россия молода.
здесь мальчик Петя, стоя у штурвала,
кораблик детский вывел на заре.
У озера есть русское начало
Балтийского и Чёрного морей.

Припев:

Московский Измайловский парк.
Над озером утренний пар.
Скользит по воде до утра
потешный кораблик Петра.

И оживает сказочная притча
под сенью притаившихся ветров.
Выныривает к парку электричка
из глубины столичного метро.
И катит осторожно по опушке,
везёт меня на встречу к тишине,
деревьев изумрудные верхушки
приветливо склоняются ко мне.

Приве:

**Московский Измайловский парк,
над озером утренний пар,
а ранняя птичья молва
тебя воспевает, Москва.
Московский Измайловский парк.
Над озером утренний пар.
Скользит по воде до утра
потешный кораблик Петра.**

КАРТИНКА ЛЕТА

Уложили любовь в три куплета,
три минуты для песни – лимит,
три минуты для счастья и лета
маловато, и сердце щемит.
Как такое могло получиться?
Для тебя всё готов был отдать!
А сегодня у сердца ютится
благодушная тварь – благодать.

Привет:

Уходит лето, осень накатила,
смахнула радугу крылом,
поля накрыла и меня накрыла
серебром, сентябрём, октябрём.
Ещё висит сентябрь на паутинке,
ещё с тобой немного погорим.
Ах, лето, лето с видео-картинки,
прощай, его другим передадим.
Прощай - прощай, его другим передадим.

Порвалась эта нить-паутинка,
в чёрно-белом показе зима,
но внезапно возникла картинка,
вся из лета, и вся – без ума.
Декорации – тоже из лета
и амбиции горных вершин –
мы с тобою у кабриолета
по лазурному морю бежим.

Привет.

Дай же, боже, другим это лето,
цветом роз и других утоли,
это лето – любви эстафета,
пусть идут от любви до любви.
Оборвётся оно с паутинки,
и холоднойю будет зима,
но согреет любовь на картинке –
вся из лета и вся – без ума.

Привет.

МАЛЕНЬКАЯ ГРУСТЬ

У моей кручины нет причины,
просто ходит маленькая грусть,
нету настоящего мужчины,
есть ненастоящий, ну и пусть.
Маленькая грусть моя родная,
улети за тридевять морей,
расскажи, что вовсе не одна я,
только возвращайся поскорей.

Припев.

Как ты нужна мне, маленькая грусть,
ты мой флажок, над парусом парящий,
а с ними я, конечно, разберусь, -
кто настоящий, кто ненастоящий.
Я веселюсь, смеюсь и не боюсь,
что ошибусь, идя к мечте манящей,
мне путь укажет маленькая грусть –
где настоящий, где ненастоящий.

Взгляд от настоящего мужчины
женщины не могут отвести,
а его спортивная машина
может даже в сказку увезти.
Может, человек он благородный
с искренней и светлую душой,
может, он и умный и свободный,
может, настоящий, но чужой.

Припев.

А ненастоящий он – надёжный,
для него богиня я и всё!
Невозможное ему – возможно,
словом воскресит и вознесёт.
Всё мне отдаёт без сожалений,
обо мне мечты и соловьи,
для меня сирени на колени -
сразу умираю от любви.

Припев.

ЗАКОЛДОВАННАЯ ПЕСНЯ

Заколдованные песни я пишу,
перед богом я, наверное, грешу,
лицедейство, хоть и малый, всё же грех,
но народу надо слёзы или смех.
Но народу надо страсти и подвох,
и на сцене я, как чёрт или как бог.
Там всё можно – и убить и полюбить,
и счастливою хоть чуточку побыть.

Припев:

Будем песни петь с тобой заколдованные
и любить друг друга мы, очарованные.
Виноградину одну будем вместе есть,
вот и выпала любовь и про нашу честь.
Только помни – у любви не загадан век,
вот возьмёт и улизнёт на виду у всех,
то ли первая она,
ну а вдруг последняя,
бесполезно выводить что-то среднее.

Я уроки по гипнозу не даю,
заколдованные песни я пою.
И парит, руками воздух вороша,
неразгаданная мной моя душа.
И вольются чьи-то души в хоровод,
невесомы пируэт и поворот.
Даже песенка летает, не дыша,
и танцует, и поёт моя душа.

Л И В Е Н Ь

Мокрый асфальт под колёсами,
майская ночь под дождём,
женщина русоволосая
рядом со мной за рулём.
Кольца на пальцах невенчаных,
руки на круге руля,
лучше не видела женщины
круглая наша Земля.

Припев:

Шумят колёса по асфальту,
любовь несёт в ночную даль,
мы не видали оба даль ту
и за обочиной печаль.
Руль поворачиваешь влево,
а повернулся шар земной,
моя ночная королева
рулит Галактикой и мной.

Хочется, хочется, хочется
волосы трогать её,
а у обочины рощица
с тихим пока соловьём.
Белые руки, как лебеди,
шею ласкают мою,
где бы с тобою мы не были,
кажется нам, что – в раю.

Припев.

Мечутся молнии синие,
звон и озон от грозы,
в ярости ты и в бессилии –
роза на ветке лозы.
В ливне святом искупаемся,
снимем волшебную дрожь,
молнии не испугаемся,
лишь бы не кончился дождь!

Припев.

М Е Т Е Л Ь

Седая карусель,
метёт метель, метель,
и с крыш бросает тюлевые шторы.
И тонет мир в снегу -
и кони набегу,
и замки, и волшебные заборы.

Припев:

И ни капли не жаль,
утопает печаль,
и уходят смешные обиды.
Дни чернее разлук
стали белыми вдруг –
запорошены и позабыты.

И с чистого листа,
с церковного креста,
с молчания венчание начнётся,
и ляжет новый след
на новый белый снег,
и солнышко на лето повернётся.

Припев.

Т Р И А Н Г Е Л А

Ёлки, дорогие, три подруги,
расступитесь, лягу на газон,
потреплю я ваши лапы-руки
и услышу шишек перезвон.
Лягу я в зелёный треугольник,
на небе три облака парят,
а на каждом - ангел, как соколик, -
на меня внимательно глядят.

Припев:

Три ангела-хранителя,
три белых исцелителя
от пошлости и подлости спасут.
Три ангела-хранителя,
три белых истребителя
судьбу мою на крылышках несут.

По ночам я к ангелам летаю
и мечтаю с ними до зари,
на земле ночная тень растает —
лопнут самозванцы-пузыри.
Ангелы другую суть покажут,
ты их только тихо позови —
ангелы мои стоят на страже -
Мысли и Надежды, и Любви.

Припев.

Ангелы мои, какое чудо!
Я как будто вас и не звала,
как вы узнаёте и откуда,
про мои проблемы и дела?
И на утро мой обидчик скажет,
извини меня ты, извини,
пролетают лучиком по пляжу
ангелы-хранители мои.

Припев.

**За безумным миром наблюдая,
где деньгами меряют весну,
вырастает истина простая –
дайте место сердцу и уму.
А другой дороги просто нету –
и поют бесплатно соловьи.
Ангелы мои летят по свету –
Мысли и Надежды, и Любви.**

Привет.

У В Л Е Ч Е Н Ь Е Д А В Н Е Е

Увлеченье давнее,
увлеченье прошлое,
ты моё лечение
от любви непрошенной.
Увлеченье давнее,
огради ты, грешную,
сказочными ставнями
от ошибок бешеных.

Будь моим советчиком,
нитке будь иголочкой,
будь еловой веточкой
в Новый год без ёлочки.
Будь моими крыльями
у обрыва – пропасти,
дай мне силы сильные
в смелости и робости.

Давнее и дивное,
увлеченье лёгкое,
как весна, наивное,
как звезда, далёкое.
Я грущу по давнему
увлеченью светлому,
благодарна я ему
навсегда не спетому.

Увлеченье давнее,
увлеченье прошлое,
ты моё лечение
от любви непрошенной.

И В А

Ну, до чего красива эта ива,
на ней свистела иволга игриво,
шатром навис раскидистый орех,
под ним попеть – попить
и полюбить не грех.
Соседская свободна и смазлива,
росла себе кокетливая слива,
доступные плоды её вкусны,
а поцелуя вкус –
от лета до весны.

Припев:

Вкус поцелуя берегу я,
хотя люблю совсем другую,
но поцелуй от спелой сливы
такой красивый и счастливый.
Узнала ива этот случай,
и иву стали звать плакучей,
люблю всем сердцем только иву,
но вспоминаю эту сливу.

Ну что ж это такое, не пойму я,
мечтаю я о тайном поцелуе,
прошелестел мне дедушка–орех,
пойми, что вкус греха
всегда сильнее всех.
Красивая и ласковая ива,
а слива лишь доступна и смазлива,
прошелестел мне дедушка–орех,
пойми, что вкус греха
всегда сильнее всех.

Припев.

КАК ХОРОШО

**Образ твой вижу везде и повсюду,
вдруг ты мелькнёшь, как желанное чудо.
Как хорошо, что ты есть у меня!**

**Если иду по бульвару Тверскому,
значит к тебе по песочку морскому.
Как хорошо, что ты есть у меня!**

**Кот промурлыкает где-то в постели,
как телефонный звонок из отеля.
Как хорошо, что ты есть у меня!**

**Голос услышу сквозь гул самолётный,
Ярче, чем Солнце твой взгляд мимолётный.
Как хорошо, что ты есть у меня!**

**Солнце закрыто безумной луною,
это неважно, что ты не со мною.
Как хорошо, что ты есть у меня!**

**Если уйду насовсем, то поверьте,
с образом милым, то сразу в бессмертье.
Как хорошо, что ты есть у меня!**

**Всё бы отдал за последнюю встречу,
даже умру – да и то не замечу.
Как хорошо, что ты есть у меня!**

**Всё отдаю, нет ни слёз и ни смеха.
Нет ничего. Только стены и эхо!
Как хорошо, что ты есть у меня!**

М О Р Е

**Я стою на краешке залива,
а по морю катится тоска,
волны из отлива и прилива
зализали замки из песка.
А по морю катит белый катер,
красный умывается закат,
мы с тобой любили на закате
с камня прыгать в море наугад.**

Припев:

**Между морем и небом летели,
на воздушной летели постели,
и внезапно волна, набегая,
нас ловила такая тугая.
Не могла никакая другая
так летать, как моя дорогая,
и не ссоримся мы и не спорим,
мы летим между небом и морем.**

**Я один стою сейчас на камне,
а тебя уносит самолёт,
как ты далека и как близка мне,
а пустое море не зовет.
После одинокого полёта
вынырну один я над волной,
нету ни тебя, ни самолёта,
и пустое небо надо мной.**

Припев.

Р Е К А Л Ю Б В И

Я уплыву течением любви,
потокам бурным с радостью отдамся,
в потоках гибнут даже корабли,
но я плыву и никогда не сдамся.

Я уплыву течением любви.

Река любви, о, скольких губишь ты,
забыв о том, ты думаешь об этом,
и гениальна ты до простоты,
красива ты, воспетая поэтом.

Я уплыву течением любви.

Приве:

Меж двух отвесных берегов
любовь по каменному руслу
скользит то трудно, то легко,
бежит то радостно, то грустно.

И вырываясь из оков
под радужные коромысла,
течёт из глубины веков
на грани вымысла и смысла.

Я уплыву течением любви,
оно несёт влюблённых прямо к звёздам,
ты не тяни, а тоже уплыви,
плыви быстрее, пока ещё не поздно.

Плыви и ты течением любви.

Река любви даёт нам шанс один,
зайти в неё два раза невозможно,
чуть опоздал, иль чуть опередил –
и ты один в течении тревожном.

Плыви и ты течением любви.

Приве.

**Я уплыву течением любви,
и вот уже река впадает в море,
скажу и дочке я своей – плыви,
плыви на радость, лучше, чем на горе.**

**Плыви и ты течением любви.
Теперь и ей придётся долго плыть,
я постараюсь ей помочь немного,
как обуздать речную эту прыть,
как избежать смертельного порога.**

Плыви и ты течением любви.

Припев.

.....

.....

Плывите все течением любви!

Припев.

С О Л Н Ц Е

Темнота кругом, темнота,
а в душе одна пустота,
ты же та была, точно – та,
даже более, чем мечта.
Канул мир зачем-то во тьму,
солнце спряталось, почему?
Ни догнать тебя, ни вернуть.
Так не может быть!
Так не может быть!
Срочно – в путь!

Припев:

Достану солнце из колодца
и расплескаю по лугам,
и капли радости и солнца
покатятся к твоим ногам.
Сама задумала природа
без оговорок и речей –
глаза твои, как два восхода
в ресницах солнечных лучей.

Мир опять для нас оживёт,
улыбнётся нам чёрный кот,
засмеёмся мы над тоской
и пойдём гулять день-деньской.
И посмотрим мы на закат,
как глаза у солнца горят,
ты закрой ладошкой глаз –
так же смотрит солнце на нас.

Припев.

Т Е Л Е Ф О Н

Прощай, мой старый телефон,
надёжный спутник мой настольный,
ты по ночам хранил мой сон –
звенел хрустально и достойно.
Предупреждал меня в беде
и был посредником в романах,
теперь со мной всегда, везде
лежат два сотовых в карманах.

Припев:

Сотовый, мобильный,
На звонки обильный,
и всегда на связи
и бомжи, и князи.
Сотовый, мобильный,
маленький, но сильный,
не уйти, не скрыться,
каждый дозвонится.

Экран мобильного, свети,
а мальчик тот поймёт едва ли,
как мы полжизни отдавали
за номер в городской сети.
Он не менялся много лет
и был, как титул или званье,
он был общественным признаньем
успехов личных и побед.

Припев.

Я помню семь заветных цифр,
я вспомню их и после смерти -
на скатерти и на конверте
ты написал мне их, как стих.
Я набираю их опять,
и чей-то голос электронный
мне попытался рассказать,
что нет такого телефона.

Припев.

Б Е С С О Н Н И Ц А

День к вечеру рассудком тронется,
вечерняя звонила звонница,
а ночь к утру всё больше клонится,
бессонница пришла, бессонница.
И мысли грызли душу крысами,
и серыми, и белобрысыми,
и мало что-то стало воздуха,
и вдохи, выдохи – без продыха.

Припев:

Бессонница – не рви на части душу,
бессонница – я всё опять порушил,
бессонница – красивое названье,
но это роковое наказание!
Бессонница!
Бессонница!
Бессонница!

Прости меня, прости, любимая,
цунами между нами мнимые,
за мной как будто кто-то гонится,
догонит и убьёт бессонница.
И онемели руки ватные,
удары сердца – мегаваттные,
и не кричится мне, не стонется,
грызёт, ползёт по мне бессонница.

Припев.

Бессонница, моя бессонница,
Сегодня ты моя поклонница,
Ты верная подруга совести,
Ты роковой финал для повести.
Но дай же мне во всем покаяться,
И не вели до смерти маяться.
...По ком звонила божья звонница?..
Как конница сметет бессонница!

Припев.

Б Е Л О Е П О Л О Т Н О

Белое полотно,
дальняя путь–дорога,
счастье – оно одно,
только несчастий много.

Главная тема дня:
мисс или миссис года,
только любовь одна,
а нелюбовий много.

Ладана сладкий дым
и богомольцы в рясах,
бог в небесах один,
только религий - масса.

Совесть легла на дно,
и не понять, ей-богу,
небо для всех одно,
нор и лазеек много.

Надо ли до седин
ждать и стоять у кассы,
выбор всегда один,
а вариантов – масса.

Главное – это путь,
путь из преград – награда,
слава уж как-нибудь,
а не придёт – не надо.

Белое полотно,
дальняя путь–дорога.
Счастье - оно одно,
только несчастий много.

СОДЕРЖАНИЕ:

Хариус 2

ИРОНИЧЕСКИЕ ПЕСЕНКИ

Шутки мои, шутки	4
Юг – горячий, как уют	8
Пуд Стаса	10
Девочки-модели	12
Мечтает женщина	13
Кроткая любовь	15
Не сбылось	17
Птичка	18
Марусенька	19
Стас большой	21
Кот Барсик	22
Травмы	24
Цыганка	25
Гараж	27
Григорьев из ЦК	30
Поездка за город	34
Песня Паши Рукосуева	36
Восемь лет работы	38
Два Валентина	40
Полюбите поэта	41

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСЕНКИ

Пока, Москва	43
Зелёный мыс	44
Измайловский парк	46
Студенческая Рига	48
Я вхожу в эту комнату	50
Улица Медиков	51
Домик у озера	53
Пёс Бурбуль	54
Осень крадётся	57

ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

Сын чёрного кота	59
Козочки	61
Маленькая активистка	62
Пчела	64
Крот	66
Пёсик Персик	68
Терпеливая сестрёнка	69
Волшебный арбузик	70
Письмо от папы	71
Мамин день рождения	72

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

С днём рождения, жена!	74
Дивная, родная...	76
Всё о бабе	77
Старому гусару	79
Понаехал – побеждай	80
Сестрёнке	81
Я подарю тебе ремня	83
Марику	84
Новоселье	86
Аэрофлот	88
«Свеча» в Эльдорадо	89
Галимулину	91
Шевырёву	93
В этот день весну встречаем...	94
В мае девки	95
Наталье Евгеньевне	96
Журналистке	98
Тёще	99
Ещё раз тёще	101
Рука редактора...	102
Девушки и баскетбол	103
Riga	104

КОРПОРАТИВ

Мы коллеги	108
Квадратный юбилей	109
Служебная подруга	110
Редактору	111
Бухгалтеру	112
Ах, Нелли	113
Леночка	114
Лёше	116
Палычу	117
Олегу	118
Валере	119
Зав.столовой	120
Любимому издателю	121
Короткие поздравления	122

ЗАКОЛДОВАННЫЕ ПЕСНИ

До Москвы	126
Снег	128
Бабочка	129
Романс восхода	130
Крым	131
Письмо от папы	132
Одуванчик	133
Офис в подвале	134
Мама	136
Урал	137
Любовь	138
На берегу Арбата	139
Королева любви	140
Лилия	141
Измайловский парк	142
Картинка лета	144
Маленькая грусть	145
Заколдованная песня	146
Ливень	147
Метель	148
Три ангела	149
Увлеченье давнее	151
Ива	152
Как хорошо	153
Море	154

Река любви	155
Солнце	157
Телефон	158
Бессонница	159
Белое полотно	160